Уведомление автора сайта.

Автор прилагаемой ниже документальной повести «Дело Шестнадцати» не опознан. Достоверно установлен лишь автор включенных в повесть стихов — это известный питерский поэт и бард Владимир Селянинов. Многие из его стихов являются, на самом деле, песнями, которые и сам автор, и его друзья неоднократно исполняли по радио, на шабашках, и, конечно, на многочисленных застольях. Стихипесни сильно проигрывают без музыки, но и в таком виде замечательно сопровождают лирическую линию повести.

В оригинальном издании повести «Дело Шестнадцати», написанной еще в Ленинграде в 1987 году, а выпущенной в свет уже в Санкт-Петербурге в 2002-м, на титульном листе указан автор – Юрий Пёрч. К сожалению, все попытки найти такого человека успеха не имели, и, в конце концов, было признано, что, по-видимому, данное имя является псевдонимом коллектива авторов, всех подлинных персонажей включающего повести, проходивших по Делу.

При подготовке старой, чудом сохранившейся рукописи к новой публикации автор настоящего сайта поначалу заменил ряд имен и фамилий подходящими аббревиатурами, ибо ему показалось, что прошло еще не так уж много лет, чтобы события этой повести стали для потомков отдаленной историей, которая воистину была, но в которую трудно поверить... Однако подлинные герои повести, заглянув в свой паспорт, решительно воспротивились такому методу завуалированного сокрытия истины, равно как и любым попыткам навешивания фиговых листков на срамные места...

Итак вперед – правда, одна только правда и ничего кроме правды!

1

ДЕЛО ШЕСТНАДЦАТИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

с песнями и стихами ВЛАДИМИРА СЕЛЯНИНОВА

«Это самая настоящая банда, которой не место не только в институте, но и... Считаю, что надо гнать таких, гнать и судить, чтобы не повадно было».

Из выступления члена комиссии парткома по расследованию Дела Шестнадцати

«Прав тот, у кого больше прав, и никакой справедливости нет и не будет!»

Из анонимного доноса по Делу Шестнадцати

Старая Русса — Ленинград 1981—1987

Оглавление

Предисловие

Скотопригоньевск

Шабашники

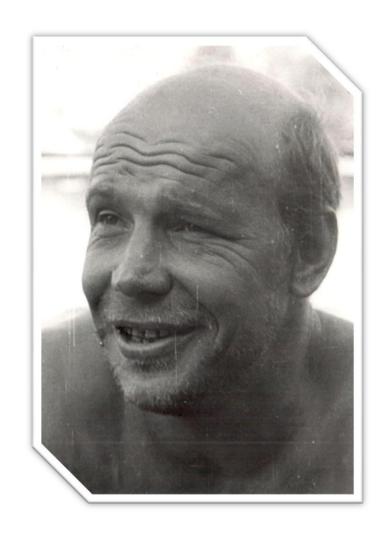
Фабрикация дела

Куликовщина

Пуджамикагавщина

Монолог о милосердии

Послесловие

О, если б разумел поэзию сполна, Пред нею трепетал и ею наслаждался Тогда, Как это даровал Господь Сейчас, То никогда бы руку не занес На чистую как облако, как снег бумагу.

Одним пред Богом оправдать могу себя: Не окажись перо и чистый лист под дланью Тогда, Сейчас Мне б быть глухим, немым, слепым, Обкраденным, обманутым и обойденным.

Последняя любовь,

как первая – взаправду,

Ее наговорить

и выдумать нельзя,

Не выиграть в лото,

в бильярд

и в карты.

Последнюю любовь

изобразить нельзя!

Нельзя ее открыть,

сложить,

вновь запечатать.

Она всегда внутри,

как виноград в вине.

Последняя Любовь

не может мерно капать,

Она струится и кипит В воде,

в огне,

во мне!

ПРЕДИСЛОВИЕ – исторический фон.

Учили нас не понимать, А принимать на веру. Учили нас маршировать, Скандируя химеру. Учили признавать врагов В невинно убиенных И жить в пространстве дураков, Во времени смиренных.

Прогулка – строй, А строй – парад, Сплошная паранойя: В цепях наград Над всеми кат, Над всеми и над Строем.

Эта повесть – строго документальная, ибо в ней описаны подлинные события, приведены подлинные документы, названы подлинные имена и абсолютно отсутствует какое-либо вранье под видом литературы.

Русское слово "подлинный" исконно обозначает высокую степень правды, полученной путем битья кнутом "по длине", т.е. вдоль тела. Выше такой правды бывает только "вся подноготная", полученная путем вбивания иголок под ногти.

Авторов-составителей пытали нравственно достаточно изощренно, чтобы усомниться в правдивости этого рассказа.

Документальная правдивость ограничивает авторов рамками одного конкретного случая и не позволяет делать слишком широкие обобщения. Поэтому представляется совершенно необходимым предварить собственно повесть хотя бы чрезвычайно кратким описанием исторического фона, чтобы не повествовать внеисторически и не отвлекаться все время на поиски типичного в повествуемом.

Итак, дело происходит в 1981 году, главным образом, в Ленинграде. К тому благословенному времени нашим могущественным государством в одну шестую всей земной тверди уже семнадцатый год благополучно правил некто Леонид Брежнев – личность довольно посредственная, если сопоставлять ее с тем высоким местом, которое она, эта личность, вопреки пословице, не красила. К сожалению, в истории такое часто бывает: ведь шапка мономаха, что прыщ гнойный – иногда на таком месте вскочит, что стыдно показать.

Главной страстью правителя были звания, почести и награды. К описываемому времени он был Генеральным секретарем всей Коммунистической партии всего Советского Союза, Президентом государства и Главнокомандующим вооруженных сил. Правитель присвоил себе воинское звание Маршала с повешением на шею маршальской звезды в бриллиантах, да к тому же пять раз (!) удостоил самого себя званием Героя с украшением груди пятью золотыми звездами — беспрецедентный случай в отечественной истории, которая такого героя еще не ведала.

Официальный тщательно отретушированный цветной фотопортрет вождя в маршальском мундире со всеми орденами, густо заполнявшими огромное

пространство от кадыка до причинного места, поражал воображение обывателя. Впрочем, мундир этот из-за тяжести носимым быть не мог, тем более, что, на самом деле, правитель был рано впавшим в маразм стариком, который не попадал в дверь, плохо врубался в тему разговора и мог выговаривать только самые простые одно или двусложные слова.

Его можно было бы по-человечески пожалеть, если бы это был простой пенсионер. Но он, не зная меры, не ведая, что стал посмешищем, говорил о сложном, и народ должен был догадываться, что "сиськи-масиськи" — это значит "систематически", а "сосиски сраные" — это "социалистические страны". А что он делал со словом "азербайджанский" — это нужно было слышать! И все — от школьника до академика — должны были изучать и восхвалять литературные произведения Выдающегося Деятеля, которые, как все понимали, писал не он, а кто-то из членов Союза советских писателей, тоже, кстати, бездарь.

Располагавшаяся вблизи правителя элита и следующие за ней эшелоны номенклатуры безудержной лестью, ирреальным подхалимажем в сочетании с самой беспардонной ложью ограждали свои незыблемые права — деликатесно кушать из спец-распределителей, импортно одеваться в спецмагазинах за спецгосзнаки, лечиться в спецбольницах, отдыхать в спецсанаториях, госдачах, виллах — все за государственный, т.е. народный счет. В Москве правила торговопартийно-полицейская мафия, в которую входили директор Мосторга со всей своей клиентурой, горком партии со своим огромным аппаратом и сам всесильный министр внутренних дел — генерал и член ЦК КПСС. Последний, кроме того, приторговывал антиквариатом, конфискованным у осужденных им более мелких, чем он, спекулянтов. Дочь Выдающегося Деятеля вместе с приятелями и мужем, которого добрый папочка произвел из простых охранников в генералы КГБ, увлекалась валютой и бриллиантам.

Гниль коррупции, взяточничества и блата покрыла страну от «Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». В российских городах исчезли мясо, рыба, колбаса, сыр, масло, а книг уже не было давно.

И все это вместе взятое называлось "развитым социализмом" или еще круче — "реальным социализмом", словно в насмешку над великой идеей.

И еще олно.

Заработать на службе чуть побольше смехотворно низкой зарплаты честным, легальным трудом было очень трудно, почти невозможно. Зато сравнительно легко было украсть, особенно тем, кто стоял при власти, при дефицитных товарах или услугах, кто был где-то, каким-то образом приблатнен. Поэтому в те времена не верили в заработок, добытый трудом, хотя бы и каторжно тяжелым. По-видимому, без этого фатального пренебрежения и неуважения к труду и заработку, от труда идущего, без этого неверия в чье-либо усердие в труде при том, что украсть легче, без всего этого не было бы нашей истории.

И еще одно.

Серость господствовала во всем и везде, серость насаждалась принудительно в производстве, в науке и в искусстве. Талантливый человек, яркая личность не могли рассчитывать на благоволение властей. Железнодорожный лозунг "не высовываться" стал принципом жизни. В то серое двадцатилетие впервые в истории появились «ученые» и «профессора» без научных открытий и даже без научных трудов. Этого не требовалось. По-видимому, без этих заливших страну потоков серости и без тех неожиданных возможностей, которые открылись для людей, не располагавших никакими талантами, не было бы этой истории.

И, наконец, последнее.

Авторами-составителями этой повести являются в той или иной степени все участники описываемых событий, ибо наша повесть — это то, что они делали, чувствовали, думали и, в конце концов, то, что они вспомнили... Однако, если ктолибо попытается найти среди них одного единственного автора, чтобы возложить на него одного ответственность за изреченное, то он повторит ошибку прошлого и подтвердит известную истину о том, что история учит лишь тому, что она ничему не учит. Ибо искать среди участников "Дела шестнадцати" одного единственного автора повести о "Деле" — это значит "Дело" повторить!

А это последнее противоречило бы тому историческому оптимизму, с которым все мы смотрим в будущее в этом 1987 году!

Мы с вами боремся

не за, а против.

Сражаемся

себе наперекор.

Расходимся,

слова-перчатки бросив,

И сходимся

в дуэльный разговор.

К барьеру!

Секунданты нам излишни.

К барьеру!

Револьверы не нужны.

Слова заряжены.

Благословил Всевышний.

К барьеру!

Да продлится ваша жизнь!

СКОТОПРИГОНЬЕВСК

Не желаю быть святым, Не желаю быть святым, Пастор для души моей не нужен — Лишь бы ты в осенний дым, Лишь бы ты в осенний дым Шлепала со мной по хладным лужам.

В воскресенье 26 июля 1981 года в небольшом русском городке Старая Русса, что в Новгородской губернии, было солнечно, тепло, но не жарко. И в тот день в городке происходили странные события.

Странности начали происходить утром в недавно построенном здании ATC, что расшифровывается, как автоматическая телефонная станция. Собственно ATC еще не было, но пустое здание уже было, и в одной из больших комнат этого здания первые солнечные лучи осветили странную компанию, которая здесь ночевала и, видно по всему, уже давно жила. Двенадцать мужчин спали на поставленных почти вплотную друг к другу металлических кроватях. В комнате еще были тумбочки и два заваленных всевозможным барахлом стола; между кроватями и под ними лежали раскрытые рюкзаки и чемоданы. В целом было грязновато!

Вставший первым, по-видимому, на правах дежурного включил магнитофон с модной западной эстрадной вещицей и очень зычным низким голосом предложил остальным подниматься. Проснувшиеся посылали его однообразно, однако, начали вставать. Но еще прежде, чем все встали, дежурный — назовем его так — обнес всех бутылкой водки, из которой налил каждому по четверть стакана, т.е. как бы подал завтрак в постель. При этом закуской служил огурец — один на всех. В процессе обноса и употребления шел спор о том, кому раньше, хотя ясно было, что хватит всем. Спор был шуточный, но острый, причем все крепко ругали обносившего, который добродушно огрызался.

Возможное предположение – в ATC собрались алкоголики, чтобы опохмелиться, было бы, однако, отброшено немедленно даже самым недоброжелательным наблюдателем.

Разговор, между тем, шел о праздновании Дня военно-морского флота, и те из двенадцати, кто мог предложить какие-либо доказательства своей причастности к морю, например, тельняшку, имели преимущественное право выпить свою долю первыми.

Возможное предположение – в АТС живут переодетые матросы или морские офицеры, было бы отброшено наблюдательным человеком тотчас, ибо ничего военного в этих людях не просматривалось, да и внешность их и обстановка с этим предположением не вязались.

Дежурный называл остальных "товарищи отдыхающие", и тема "отдыха" в явно ироническом смысле непрерывно перекатывалась от одного к другому.

Возможное предположение – в АТС действительно собрались курортники или туристы, не проходило по многим признакам, включая одежду и инвентарь, не похожие на спортивные. "Отдыхающие" явно жили здесь уже не одну неделю, но вряд ли в такой обстановке кому-либо захотелось бы отдыхать.

Время в мое окно
Падает белым,
Зеленым струится,
Плещется синим,
И желтым сочится,
Тихо смеется,
Молчит,
Громко плачет.
Что это?
Что это?

Между тем все двенадцать уже встали, умылись, а безбородые и побрились, и теперь одевались на выход. Они были разного возраста – примерно от тридцати до сорока пяти, все породистые и красивые, а некоторые – даже очень! Здоровые, сильные, а некоторые – даже очень! Разговор их выявлял немалую степень образованности и интеллекта, у некоторых – даже весьма высокую степень. Вместе с тем, их в целом литературная русская речь часто прерывалась вставками в виде крепких слов тюрко-язычного происхождения. Однако легко угадывалось, что эти крепкие слова, направленные друг в друга, по-видимому, дань некоей компанейской традиции. Было видно, что здесь нет ничего более смешного и противоестественного,

Возможное предположение, что наблюдаемая компания есть группа строительных

как обидеться на такие слова.

рабочих или, скажем, монтажников связи, не подтверждалось содержанием и уровнем разговора, да и возраст, да и состав ... Нет, пожалуй, это не рабочий класс, не гегемон!

По репликам, да и по виду можно было понять, что в группе этой есть русские и евреи, причем русских почему-то называли не иначе, как "коммунистами", а евреев – просто "евреями". Последнее наблюдение сильно затрудняло выдвинуть правдоподобную гипотезу. Если гадать относительно рода занятий, то, судя по разговору и внешности, это, скорее всего, были либо научные работники, либо инженеры, либо врачи и педагоги. Но этому всему противоречили и обстановка жилья, и место, и время, и городишко...

Значит,

значит,

значит,

значит.

значит,

Значит, что не может быть иначе. Значит, что не может быть иначе. Значит

- это ничего не значит.

Между тем, странная компания уже оделась – полугородским, полуспортивным стилем, но чисто и аккуратно в противовес обстановке в комнате ATC, – и вышла на улицу; взяли с собой и магнитофон. Сначала они отправились в столовую, где позавтракали весело. Затем они пошли через весь город в церковь – была воскресная служба; зашли в церковь, постояли, не крестясь, просто так, вежливо все осмотрели, вышли и пошли дальше.

И пришли в дом-музей Федора Достоевского.

Здесь нужно сказать, что музей Федора Михайловича — одна из главных достопримечательностей города Старая Русса. Этот дом он снимал в течение ряда лет и жил здесь с семьей каждое лето, как на даче — здесь было дешевле, чем под Петербургом. Но главное даже не в этом, а в том, что действие всемирно знаменитого романа "Братья Карамазовы" происходит в некоем захолустном российском городке Скотопригоньевске. Так вот — быт, нравы и даже пейзажи этого вымышленного Скотопригоньевска списаны мастером со старой Старой Руссы. Несмотря на столь замечательный факт, музей посещается мало и нет здесь туристического бума и не проливаются здесь слезы умиления, как в Михайловском или в Ясной Поляне.

Поэтому появление сразу 12-ти зрелых мужчин вызвало некоторое оживление, и сама директриса повела их на экскурсию по дому. Она (директриса) была немало удивлена познаниями этих двенадцати в близкой ей области, чувствованием ими некоторых тонкостей творчества Достоевского, требующих, как ей казалось, специальной подготовки, а на некоторые вопросы — как, например: не следует ли считать, что в "Бесах" автор предсказал кошмары сталинизма? — вынуждена была отвечать уклончиво. Впрочем, экскурсия прошла превосходно и к взаимному удовольствию сторон.

Прежде чем попрощаться и ответить на выраженные самым интеллигентным образом знаки благодарности, директриса поинтересовалась, чем же уважаемые экскурсанты занимаются и как попали в Старую Руссу. На это из нашей компании ответили вежливо, что они археологи из Ленинграда и приехали сюда на раскопки. А на уточняющий вопрос о том, что же они раскапывают, ответили так же уклончиво, как директриса о провидении Достоевским сталинизма, причем в таком странном

смысле, что, мол, сначала нужно раскопать, а потом будет видно что.

На этом можно было бы прервать нашу историю, если бы то, что в доме Достоевского рассказала компания о роде своих занятий, было правдой, потому что, если бы это было правдой, то не было бы последующих событий и дела.

В круговерти суеты Бог к моим молитвам глух. Сам себе пастух беды, Счастья своего пастух. И пасутся бок о бок Моя правда, моя ложь, Словно перепутал бог Души грешных и святош.

На следующий день, в понедельник, музей был закрыт, и директриса на работу не выходила. Во вторник она шла на работу рано и на улице Карла Маркса обратила внимание на длинную и узкую траншею, тянувшуюся вдоль тротуара насколько хватало взгляда — в воскресенье этой траншеи еще было. Тут директриса вспомнила слова соседей о том, что за последние две недели город весь разрыли так, что пройти невозможно. В траншее работали мужчины, работали, как видно уже давно хотя было еще рано. Лопатами и ломами они углубляли траншею и выравнивали ее дно. По пояс голые, в рабочих штанах и кирзовых сапогах, залепленных грязью, работали быстро, на глаз непривычно быстро, как бы ожесточенно, зачем-то, видимо, спешили.

И вдруг директриса узнала в работавших таким черным образом воскресных интеллигентов, споривших с нею о Достоевском и назвавшихся археологами. Сначала было движение души — подойти, поздороваться (ведь как прекрасно в воскресенье беседовали!), задать вопрос: «Что делаете здесь, товарищи?». Но что-то остановило. Прежде всего, дистанция между тем воскресным и теперешним, а еще: она-то в прежнем виде, а эти — там в яме, в грязи. А из ямы — непечатные сведения о производственных трудностях! И не подошла, а быстро пошла стороной прочь, унося вопросы без ответа и даже какую-то болезненную горечь. «Наврали про археологию, а сами чернорабочие, может быть, заключенные — думала она — но тогда где охрана, и, кроме того, заключенные в музее?! Странно все это».

Удивлялась не только директриса музея. Не переставали удивляться многие жители Старой Руссы. Уже скоро месяц, как видели они во всех концах городка нашу компанию – то всех вместе, то небольшими бригадами по два-три человека, видели с раннего утра до позднего вечера за самой грязной и тяжелой работой – рытьем траншей и ям, укладкой труб, видели их землекопами, грузчиками, укладчиками и чернорабочими. Эти странные люди работали без выходных (за исключением описанного выше Дня военно-морского флота), работали явно больше положенной восьмичасовой смены, часов по двенадцать и больше в сутки, работали в совершенно немыслимом для «реального социализма» 70-х годов темпе, а еще более удивительно – работали с интересом (к этому то грязному делу!), не пытаясь отлынивать, перекуривать, пьянствовать или ждать от кого-то указаний.

Многие местные из любопытства подходили и спрашивали, что, мол, делаете, откуда сами (что не местные сразу видно!), а главное, сколько за такую работу платят. На последний вопрос наши отвечали уклончиво, что, мол, идите работать в бригаду, узнаете сколько платят. Никто, между прочим, не шел, так как работа была, всякому видно, тяжелая и грязная, а деньги... – зачем они старорусскому обывателю или, например, гегемону, состоящему в состоянии беспробудного пьянства или в состоянии

предвкушения оного! На вопрос, откуда сами-то? — отвечали без подробностей, что ленинградцы. А вот на вопрос о том, что делают здесь, отвечали подробно.

В Старой Руссе плохо с телефонами, и наши герои готовили магистрали для прокладки новых телефонных кабелей. Работа эта заключалась в следующем.

Вдоль основных улиц города сначала нужно было вырыть траншеи для укладки кабеля. Траншея должна быть глубиной один метр и более, а шириной — чтобы в ней можно было стоять и работать, да еще положив на дно по крайней мере два трубопровода. Дно траншеи должно быть ровным, чтобы труба для кабеля ложилась всей поверхностью без перегибов.

Рытье траншеи — дело тяжелое и невеселое, особенно, если улицы заасфальтированы или, не дай Бог, забетонированы. Сначала вскрывается асфальт или, не дай Бог, бетон — его нужно бить и колоть отбойным молотком или ломом, а выбитые куски оттаскивать руками в сторону. Затем, если грунт под асфальтом не очень каменистый, можно использовать машину — траншеекопатель, режущая цепь которой взрезает землю и выбрасывает ее в сторону. Ну, а там, где машина не проходит и сталь не берет, траншея выбивается ломом и штыковой лопатой, вложенными в руки.

Вырытую любым из этих способов траншею нужно углублять штыковой и ровнять совковой лопатами вручную. Там, где кабели будут протягиваться через трубы и сращиваться, нужно вырыть яму побольше – для кабельного колодца.

Копать траншеи и ямы под колодцы особенно трудно в дождь – вода на дне собирается, грязь хлюпает, стенки расползаются. А еще неприятно, когда с канализацией пересечешься – тогда уже совсем весь в говне работаешь. А еще при прокладке траншеи нужно следить, чтобы подземный электрокабель или, уж совсем не дай Бог, кабель спецсвязи не повредить. Бьешь ломом, врубаешь лопатой, а чуть появится подозрительный проводок, руками землю вокруг огребаешь.

Наконец траншея вырыта и стоит прилизанная — можно класть трубы. Трубы, асбестоцементные длиной три метра, нужно на складе погрузить в грузовик, а затем на месте укладки разгрузить и разложить ровненько вдоль траншеи, чтобы доставать их, стоя в траншее, было сподручно. Грузить и раскладывать трубы — дело веселое: двое в машине принимают или подают трубы, а остальные быстро бегают и носят их в руках или на плече.

Но еще веселее трубы в траншею укладывать. Делает это бригада из двух человек. Один из них нагибается, поднимает со дна траншеи свободный конец уложенной трубы и зажимает его между колен, придерживая левой рукой; затем правой рукой достает манжету — пластиковый цилиндр диаметром как у трубы — и двумя руками с силой натягивает ее на трубу. Второй из укладчиков в это время снимает в траншею новую трубу, подает ее конец первому, тот приставляет этот конец к разрыву манжеты, надетой на зажатую между колен трубу, а затем оба сильно вдавливают новую трубу в манжету — "Хоп!".

Манжета жесткая, натянуть ее на трубу – кожу с рук обдерешь. Поэтому лучше сначала манжету в горячую воду опустить – только тогда нужно с собой ведро с горячей водой таскать. Но зато работа быстро идет: мелькнула над траншеей одна грязная спина – манжета на трубе, мелькнула другая грязная спина – труба в манжете. И обе спины переместились на три метра. Еще мелькнули по разу и еще три метра.

Быстро идет работа, одна труба – десять секунд! Не то, что рытье траншеи, да еще в каменистом грунте ломом да двумя лопатами – там пока метр пробьешь, дыханье сорвешь и глаза потом зальешь!

Хотя, если вникнуть, и укладка труб – не санаторий: спина болит, руки от напряжения постоянного дрожат, пальцы не разогнуть, колени не согнуть. Особенно,

когда в траншею не один, а два, четыре, а то и все восемь трубопроводов укладываются. Сначала на дно траншеи укладывают вдоль всего участка от колодца до колодца два трубопровода (одновременно укладывать трубы всех трубопроводов нельзя — из-за верхних не поднимешь для наращивания нижние), затем на них параллельно еще два и т.д. А стоять в яме, между тем, все труднее — трубы уложенные мешают.

Когда трубы уложены и концы трубопровода выведены в колодцы, можно засыпать траншею. Эта работа легкая и веселая, делается она всей командой, а потому особенно весело под вечер, когда все уже, поработав часов 12-13, слегка устали, и пора пойти отдохнуть и чаю попить, потому что ужин уже давно как был.

Да, да! Пора пойти помыться, переодеться, выпить по стакану водки и по литру крепкого чая с пряником, расслабить спину, руки и ноги хоть на полчаса, а потом еще успеть на ночную разводку молоденьких дамочек в местном санатории гинекологического профиля, дамочек, отчаянно мятущихся между словесными увещеваниями и запретами провинциальных докторов и властно-нежными прикосновениями мужских ладоней, еще полтора часа назад сжимавших здоровенные ломы.

Одни сутки взапой, Одни сутки взахлеб. Одни сутки как миг, Но миг звездный. Все что было прошло. То, что будет пройдет. Дай же бог, Чтобы было не поздно!

Я сейчас ненавижу себя, Проклинаю свою человечность. Как так можно: уехать любя, Разменяв одни сутки на вечность.

Для тебя ничего мне не жаль Из всего, что могу, что имею. Мне любовь, словно звездный корабль, Покидающий грешную землю.

Прежде чем отзвонит, отгорит И положат к звезде незабудки, Подари мне, любовь, подари На прощанье последние сутки.

Между тем старорусские обыватели, с утра ворчавшие, что, мол, улицу раскопали – теперь полгода не пройти, не проехать, к вечеру с удивлением замечали, что все уже засыпано, и трубы, которые они, умом сноровистым пораскинув, собирались ночью во двор затащить для нужд хозяйственных, уже в землю уложены и скоммуниздить их, к вороватому ихнему сожалению, не придется. Такого «трудового накала», как говорят наши сладкоречивые журналисты, староруссичи не видали от периода "полной и окончательной победы социализма", произошедшей в благополучное царствование великого вождя, отца и учителя всех времен и народов, до периода "развитого социализма", постепенно перешедшего в описанный выше "реальный социализм" в

благословенные времена выдающегося деятеля всего прогрессивного человечества.

Если читатель когда-либо окажется в городе Старая Русса и пройдется по улицам Минеральной, Карла Маркса, Красных командиров и прочим, пусть знает, что под ними на всем протяжении лежат трубопроводы связи, сработанные в июле-августе 1981 года странной бригадой из двенадцати ленинградцев.

Проницательный читатель, наглотавшийся в свое время "реального социализма", давно уже понял, кто эти 12 и как их называть.

Так, кто же они?

Они берут гитару, и старорусские красавицы, так толком и не понявшие, кто же это был и как же это случилось, замирают и растворяются в незнакомых звуках и диковинных словах, тревожно влекущих куда-то:

Не желаю быть святым, Не желаю быть святым, Пастор для души моей не нужен — Лишь бы ты в осенний дым, Лишь бы ты в осенний дым Шлепала со мной по хладным лужам.

Ты мой звездный миг, Ты мой добрый маг, Журавлиный клин, Лебедей косяк — Лебедей косяк, Что в вечерний час В небо поднялся И с зарей погас. Я любовь молю: Дай мне согрешить. Если я люблю, Мне святым не жить, Проще сразу в ад... Над землей кружит Поздний листопад.

Не желаю быть святым, Не желаю быть святым, Пастор для души моей не нужен — Лишь бы ты в осенний дым, Лишь бы ты в осенний дым Шлепала со мной по хладным лужам.

ШАБАШНИКИ

Я поэт поющий, Я певец читающий, Больше отдающий, Меньше получающий. Пусть легко ранимый — Трудно убиваемый, Чаще в грех гонимый — Реже загоняемый. Для друзей открытый, Для врагов застегнутый, Битый — перебитый, Слабый, но не согнутый.

В 70-е годы это слово произносилось с широким спектром оттенков и чувств — от ругательных и презрительных до уважительных и восхищенно одобрительных. Некоторые считали шабашников еще не посаженными уголовниками, рвачами и болячками ("пережитками капитализма") на здоровом теле социалистического общества. Другие, наоборот, считали, что шабашники едва ли не единственные истинные работяги, на которых можно положиться, и уподобляли их здоровым трудовым мозолям на прыщавом теле худосочного "развитого социализма".

Те, кто знает диалектику, понимает, что истина редко селится в крайних точках зрения. Жизнь тогдашняя, как, впрочем, и теперешняя, была полна сложностей и противоречий, и шабашничество тоже было противоречиво.

Мы к счастью близимся, все время удаляясь, Не веря в храм, стучим в его врата. На выдохе молясь, на каждом вдохе каясь, Не ведая пути, идем искать Христа.

Будучи диалектиками и романтиками одновременно, сами шабашники оценивали себя иронично горделиво. С одной стороны, они как бы бросали вызов как тем, кто ленился, стеснялся или боялся заработать хотя бы и честным, но тяжелым, а главное, властями неодобренным трудом, так и тем, кто не стеснялся и не боялся воровать или получать бесчестные деньги, не работая. С другой стороны, они относились к этому ими брошенному вызову с достаточной иронией, исходившей из понимания некоторой нелепости попыток заработать тяжелым трудом в обществе блата, коррупции и повального увиливания от труда, в обществе, в котором, к тому же, такие попытки рассматривались исключительно через уголовное увеличительное стекло.

Этимология слова "шабашники" совершенно ясна. Согласно энциклопедическим изданиям на русском языке слово "шабаш", происходящее от древнееврейского "шаббат-шабес" (суббота), обозначает

1) субботний отдых, предписываемый религией иудаизма и четвертой из десяти великих библейских заповедей;

- 2) средневековое ночное сборище ведьм;
- 3) окончание работы, прекращение (конец) какой-либо деятельности.

В первых двух случаях – и это следует подчеркнуть – рекомендуется ударение на первом слоге, а в третьем – на втором.

Слово "шабаш" весьма древнего происхождения. Производные от него глаголы "шабашить", "шабашничать" значительно моложе и означают выполнение какой-либо работы по найму в свободное от основной деятельности время, некая разновидность отхожего промысла.

Таким образом, с лексической точки зрения современный "шаба́шник" — это человек, который "шаба́шничает", т.е. работает по найму в свой очередной отпуск или в отпуск за свой счет в сфере, как правило, не имеющей ничего общего с его деятельностью по месту основной работы.

Замечательным является тот факт, что слово "шабашник" в вышеназванном значении и возглас "шабаш!", означающий радость по поводу окончания (успешного, конечно!) работы, являются лексическими родственниками. Это позволяет нам сформулировать следующее определение, в котором отсутствие научной строгости компенсируется эмоциональной наполненностью, основанной на личном опыте.

Шабашники — это работяги, доводящие дело до полного завершения, не прекращающие работу до ее заранее оговоренного реального финала, это те, на кого в работе можно положиться, кому можно работу доверить, не беспокоясь, что она будет брошена на полпути. Шабашники — это антиподы тех, кто вместо выполненной работы представляет объяснения (иногда благозвучные и убедительные), почему эту работу нельзя было выполнить!

А кто же такие шабашники с точки зрения социально-экономической и психологической?

В 60-е и 70-е годы шабашничество развилось в Советском Союзе чрезвычайно широко. В теплое время года бригады шабашников из больших городов разъезжались в самые отдаленные концы страны и густо покрывали ее экономическую карту. Они брались за любую работу, за которую хорошо платят, но поручали им, как правило, либо тяжелую работу – строительство, землекопание, лесоповал и тому подобное, либо тяжелую работу, требующую, к тому же, и определенной квалификации – прокладка линий связи, сооружение высоковольтных линий, монтаж громоздких конструкций и т.д. Социальный состав шабашников чрезвычайно пестрый, однако поразительным является тот факт, что значительную, если не превалирующую, долю составляли среди них люди, как говорили в старину, образованные, специалисты, в первую очередь, инженеры, научные работники, преподаватели и врачи – наиболее эксплуатируемая часть общества победившего пролетариата.

Чтобы будущий читатель смог что-нибудь в этом понять, ему следует вообразить, как «легко и беззаботно» жилось миллионам инженеров, учителей и врачей на зарплату 150 рублей в месяц при том, что приличная машина стоила 7000 рублей, приличный телевизор — 700 рублей, приличный костюм — 160 рублей, приличные дамские туфли — 60 рублей, а сходить в приличный ресторан и скромно (т.е. неприлично) поужинать вдвоем — 40 рублей. И еще — чтобы все это и многое другое достать или получить по вышеуказанной цене, нужно еще дать взятку, переплатить, сунуть в лапу!

Как могли существовать при этом инженеры, научные работники, учителя и прочие интеллигенты, которые отнюдь не состояли при дефиците, и поэтому никому не были нужны, а также не имели, что воровать, в отличие от некоторых других более осчастливленных слоев новой, как тогда говорили, общности советских людей образца 70-х? Не имея возможности заработать на своей основной работе ни копейки сверх

мизерно-смехотворной так называемой зарплаты, они уходили во время своего отпуска, иногда прихватывая дни за свой счет, на заработки в составе бригад шабашников.

Тем самым эти люди в течение одного-двух месяцев в году осуществляли одновременно два своих конституционных права — право на отдых и право на труд, провозглашенных, но не осуществленных сначала в сталинской, а затем в брежневской конституциях, ибо нельзя же всерьез воспринимать правом на труд — труд инженера, врача или педагога за 150 р., и правом на отдых — отдых за те же деньги.

Зато на "шабашке" права на труд и на отдых, слитые воедино, осуществлялись шабашниками с максимальным размахом, а главное, совершенно добровольно. Жили шабашники обычно без удобств: в запущенных строительных вагончиках, в паровозных депо, в бараках для временных чернорабочих, в недостроенных зданиях и времянках, в палатках и сараях. Двенадцатичасовой рабочий день был для них нормой; иногда работали шестнадцать часов с перерывами на обед и ужин.

Хозяйственные руководители охотно приглашали на работу шабашников, хотя их оформление и оплата их труда всегда были сопряжены с нарушением нелепых псевдосоциалистических законоуложений, ограждающих право на свободный труд, и всегда грозили последующей карой. Однако справиться с хозяйством без шабашников страна не могла; они составляли часть огромной "левой экономики", которую можно было замалчивать, но без которой нельзя было функционировать. Шабашнику надо было хорошо платить – он становился довольным с уровня порядка 1000 р. в месяц. И хозяйственники на это шли, потому что бригада 1000-рублевых шабашников могла в короткий срок осилить работу, практически невыполнимую для собственных 100-рублевых кадров. (А заплатить собственным хотя бы один раз 1000 р. – потом совсем работать не станут за 100 р.).

Тут важно подчеркнуть, что для провинциального начальства весьма привлекательной была способность шабашников самостоятельно осмыслить свою работу, организовать ее и достать все, что для ее выполнения нужно. Им не нужно было все разжевывать, все подносить и доставать, да еще следить, чтобы не напились пьяными и не сожгли всю стройку, как в случае с обычным гегемоном. Получил работу – сдал работу...

Таким образом, отнюдь не идеализируя шабашников — среди них были и рвачи и халтурщики, но в значительно меньшей пропорции, чем среди остального контингента так называемых трудящихся, — можно сказать, что это были работники, о которых тайно мечтала и которых тайно вынашивала наша оскудевшая от бесплатных стахановцев экономика. И теперь, когда наши умники наверху наконец-то доперли, что к чему, формы шабашнической организации, легализованные под благопристойным наименование "бригадного подряда", все больше входят в жизнь.

Такова социальная и экономическая подоплека шабашничества. Будучи в глубине души марксистами, мы не можем не отметить, что оно (шабашничество), как и все социальные движения на свете, — есть явление классовое, суть и корни которого в эксплуатации человека человеком, в паразитировании одного класса за счет другого. Кто за счет кого паразитировал, видимо не нуждается в дополнительных пояснениях, если учесть то, что уже было сказано выше.

Мы, конечно, понимаем некоторую односторонность нашей оценки, смахивающей на вульгарную социологию. Нельзя все сводить к стремлению побольше заработать или вообще к деньгам. Нельзя, например, не учитывать такие важные психологические факторы шабашнического движения, как стремление к длительному общению в компании близких по духу людей, стремление самоутвердиться в экстремальных жизненных и трудовых условиях, романтическая приверженность к уходу от

обыденного. В психологическом плане шабашничество давало возможность уйти от казенной обстановки, нудной работы и нудных собраний при начальстве, парткоме и прочая, возможность уйти от одуряющего, беспросветного быта. Вместе с тем, отдавая должное вышеназванным психологическим факторам, мы считаем, что приведенные социальные и экономические причины шабашничества являются наиболее существенными и коренными.

Нам лето дарит отпуска И пускай, и пускай Вновь сердце гложет грусть-тоска: Без куска, без куска, А значит ехать За туманом и рублем. Сперва посадка в самолет И полет, и полет. А если очень повезет Привезет, привезет Нас в Коми Лес прилить, валить, Да в дикой чаще жить. Но нам на это наплевать, Наплевать, наплевать. Мы будем лес пилить, валять, Лес пилить, валять, А чтоб совсем не захиреть, Мы будем песни петь...

Пора, однако, кончать затянувшееся лирическое отступление на социологическую тему и вернуться собственно к теме повествования, т.е. перейти от общего портрета типичных шабашников к вполне конкретным шабашникам — героям настоящего повествования. И в этом переходе небезынтересным фактом является, то, что по своему социальному положению в обществе наши конкретные шабашники, с которыми читатель уже кратко познакомился, стояли значительно выше среднешабашнического уровня. Все они были связаны со знаменитым гнездом и рассадником шабашничества — Ленинградским электротехническим институтом связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича:

Виктор Ананишнов ст.преподаватель кафедры экономики, кандидат технических наук, чл. КПСС, чл. парткома; ассистент кафедры теории-передачи сигналов, Юрий Арзуманян кандидат технических наук, беспартийный; Моисей Берсон ведущий инженер кафедры электродинамики, беспартийный; Игорь Ветров мл. научный сотрудник кафедры усилителей, беспартийный: аспирант, секретарь комитета комсомола института, Олег Воробьев чл. КПСС, чл. парткома инстита; Евгений Дурец ст.инженер кафедры радиотехнических систем,

беспартийный;

Леонид Карпов – зам.начальника научно-исследовательской части

института, кандидат технических наук, чл. КПСС;

Сергей Корчагин – гл. энергетик института, чл. КПСС;

Николай Кутов – начальник метрологической лаборатории инстатута,

чл. КПСС:

Юлий Лев – зам.начальника отдела института "Гипросвязь",

кандидат технических наук, чл. КПСС.

Михаил Лесман - ст. научный сотрудник кафедры теории передачи

сигналов, кандидат технических наук,

беспартийный;

Анатолий Наумов - ст. научный сотрудник кафедры теории передачи

сигналов, кандидат технических наук, чл. КПСС;

Юрий Окунев – начальник отраслевой научно-исследовательской

лаборатории, кандидат технических наук,

беспартийный;

Вячеслав Петров – зам. начальника научно-исследовательской части

института, чл. КПСС, чл. парткома института;

Владимир Селянинов - главный инженер института, чл. КПСС;

Борис Черне – главный инженер экспериментально-

производственных мастерских института,

беспартийный.

Вот и все шестнадцать шабашников, проходивших по "Делу Шестнадцати"! Ну, как? Не слабо? Господи! До чего довели (кто?) нашу державу!

Пусть поведут на эшафот, Камнями забросают, Мы сердцем верим — UFO К нам часто прилетают. Они в ночи гвоздочками Небесный купол крепят, Серебряными точками Нам светят, Светят, Светят. Кружат, вальсируя в ночи, Взмывают словно смерчи, Серебряные калачи, Серебряные свечи.

Космоса каретой UFO летит, Скорость больше света – UFO летит. Через пыль созвездий UFO летит. С неизвестной вестью UFO летит.

Любознательный читатель XXI века, конечно, интересуется, а как же конкретно организовывалась описанная "шабашка", как она взаимодействовала с местными властями? Хотя обсуждение этих интересных вопросов выходит за рамки нашего повествования, мы считаем необходимым, в интересах истории, хотя бы немножно, хотя бы чуть-чуть приоткрыть завесу над технологией шабашничества и с этой целью предоставляем слово первому свидетелю.

Из показаний Михаила Лесмана:

«История началась с того, что я обратился к А. Ляпину — к тому времени он уже полгода был начальником СМУ-1 треста Лентелефонстрой — с просьбой найти нам работу. Через некоторое время он позвонил и предложил собрать бригаду в 5-6 человек для работы в Старой Руссе. Условия такие: мы делаем канализацию и получаем за фактически выполненные работы; кроме того, нас оформляют на месте и по совместительству доплачивают 6000 рублей. Я сказал, что у нас коллектив 10-12 человек и выделять кого-нибудь не хочется. Мы готовы поехать большим составом при неизменной доплате. Договорились через несколько дней съездить в Старую Руссу.

По-моему, в конце июня Ю. Устинов (зам.нач. СМУ-1), Виктор Ананишнов, Слава Петров и я поехали в Старую Руссу. На месте посмотрели трассы, договорились с оформлением и с обеспечением материалами и техникой, обсудили условия быта, выбрали свои комнаты на станции. 5.07.81 г. Игорь Ветров, Женя Дурец и я приехали в Старую Руссу и начали устраивать быт и размечать трассы. Вызвали экскаватор на первую канаву. 9.07.81 г. приехали Юра Арзуманян, Витя Ананишнов, Володя Селянинов и Коля Кутов. По существу с этого момента и началась работа.

В памяти осталось, что техника работала вполне сносно, хотя на выделенном тракторе все время ломалась цепь. Были некоторые перебои с трубами, и мы непрерывно звонили в Ленинград — Ляпин в это время ушел в отпуск, и я, в основном, все переговоры вел с Ю. Устиновым.

Очень много помогал город. Нам выделили "опекуна" — начальника коммунального отдела Горисполкома Г. Голубева, который добивался, чтобы предприятия города выделяли нам технику. Согласно решения Горисполкома завод Химмаш должен был выделить нам кран, но все время не давал его. Помню, на очередном заседании исполкома от директора завода требовали выполнения решения исполкома о выделении нам крана. Он сопротивлялся, говорил, что каждый должен делать свое дело, и он должен выполнять свой план. В ответ прозвучали слова председателя: "А не надоело вам получать премии за выполнение плана?". На что директор послал всех собравшихся на хуй (прямым текстом) и вышел. Кажется, потом его вызывали на бюро Горкома, где он получил выговор. Кран, хоть и с перебоями, но нам давали.

В конце июля начале августа из отпуска вышел зам.пред. исполкома — Сомов. Свой рабочий день он начинал с того, что в 7.40 приходил к нам на станцию, и мы в прорабской обсуждали план дня — необходимую технику, людей с других предприятий и т.д. Мы сразу нашли с ним общий язык, и он очень меня поддерживал. Хорошо помню, как нам легко давали даже поливальную машину — откачивать воду из колодцев. Долго согласовывалась трасса на ул. Красных командиров, мешал водопровод. Оказалось, что гл.инж. водохозяйства — наш студент. Быстро нашли общий язык (потом он защищал у меня дипломный проект), и необходимые разрешения были получены...»

Прервем здесь на одно мгновение свидетеля, чтобы задать себе вопрос: а чем, собственно, объясняется такая неимоверная заинтересованность местных властей в

работе вышеназванной бригады шабашников? Определенно можно сказать, что иначе как с их помощью город не мог решить стоявших перед ним проблем. Посмотрим, что дальше сказано об этом у Миши Лесмана, выступающего в данном случае в роли эксперта.

«В 1981 г. в СССР насчитывалось 25 млн. телефонных аппаратов, т.е. примерно 9 телефонов на 100 жителей. Этот показатель обеспечивал нам "высокое" 32-е место в мире, сразу за Гвинеей (Биссау), которая занимала 31-е место. Отмечу, что в то время средний показатель в мире составлял 13 аппаратов на 100 жителей, а в развитых странах (Швеция, США) достигал 70-80 телефонов на 100 жителей. В этих условиях Старая Русса, в отличие от Нового Орлеана, выглядела совсем скромно — 2000 телефонов на 40 тыс. жителей, т.е. 5 аппаратов на 100 жителей. Более того, перспективы развития были весьма призрачны — строительство соединительных линий планировалось на 1982 г., а введение в строй новой АТС на 6 тыс. номеров — на 1984 год.

Отсутствие телефонов пагубно сказывалось на экономике района — тяжело было связаться с абонентами внутри города и с областью, не говоря уже о том, что практически не было связи с колхозами и совхозами. Кроме того, старое оборудование и кабели (подчас довоенные) непрерывно выходили из строя и требовали мощной ремонтной службы.

Вот почему городские власти были крайне заинтересованы в работах по прокладке труб летом 81 г. (Саму коробку станции к этому времени построили). Эти работы должно было вести СМУ-1 треста "Лентелефонстрой", но в 1981 г. наше согласие поехать в Старую Руссу позволяло СМУ-1 дополнительно освоить 100-150 тыс. рублей (при плане на год порядка 3 млн.), тем более, что технику должен был, в основном, обеспечить город. В результате выполнения нами внеплановых работ впоследствии удалось ввести АТС в действие на год раньше срока. В СМУ и на месте были довольны, и мы почти героями с триумфом возвращались в Ленинград.

После начала "Дела 16", в январе (или еще в декабре) мы со Славой Петровым поехали в Старую Руссу, встретились с Сомовым и подготовили отзыв о нашей работе, который привезли в институт. Кроме того, предупредили о тех делах, которые начались в Ленинграде!»

Будущий читатель простит нас за пространные цитаты из мало известных авторов второй половины XX века, потому что, если он будет читать только известных авторов того времени, то, чего доброго, подумает, что в начале 80-х годов в городе Старая Русса удалось перевыполнить план по рытью канав не с помощью двенадцати шабашников – научных работников из Ленинграда, а с помощью местных передовиков производства.

Поэтому мы и далее будем приводить всевозможные антихудожественные воспоминания, факты и документы, которые имеют перед изящной литературой только одно преимущество – они есть правда!

Правда тихо норовит Постоять да полежать. Правде некуда спешить. Правде некуда бежать. Ноги в путанках любви, Светом голова полна. Как Господь благословил, Так везде, всегда одна.

А когда ее впрягут В плуг, чтоб поле зла вспахать, Ноги сами побегут, Так запашет – не догнать. Все подрежет на корню, Вывернет на белый свет. Слепоту ее виню, Но без кривды правды нет.

Память человеческая несовершенна, детали событий и даты могут стереться. Но мы располагаем подлинником документа, о котором упоминает свидетель — письмом старорусского горисполкома №961 от 22 декабря 1981 года. Вот этот документ:

Герб СССР Старорусский городской Совет народных депутатов 175200, г. Старая Русса, Советская наб., д.1 22.12.81 №961

Начальнику СМУ-1 Треста Лентелефонстрой т. Ляпину А.П.

Исполком Старорусского городского Совета народных депутатов выражает благодарность бригаде работников Вашего СМУ (прораб Масленников В.Д., мастер Кичайкин А.А., бригадир Ананишнов В.В.).

В сложных условиях городского хозяйства за короткий срок бригада выполнила большой объем работы по строительству телефонной канализации, что позволит с опережением графика ввести в строй новую АТС и удвоить емкость телефонной сети города. Не считаясь со временем, коллектив бригады обеспечивал проведение работ на магистралях города без нарушения существующих коммуникаций и движения транспорта.

Отмечая качественную работу коллектива бригады, служившую примером коммунистического отношения к труду, просим поощрить всех участников строительства телефонной сети.

П.п. Зам.председателя исполкома

С.К. Сомов

Как поощряли бригаду, "служившую примером коммунистического отношения к труду", – об этом наша повесть!

Косила смерть,
Косила смерть,
Невинных, грешных, падших,
А поперву,
А наперво
Поэтов и певцов,
Жизнь любящих,
Жизнь любящих,
Но жить уже уставших,
Уставших от лжецов,

льстецов, глупцов и подлецов.

ФАБРИКАЦИЯ "ДЕЛА"

Ложь жирует в поле зла, Сладко ест, подолгу спит. Разомкнув объятья сна, Продолжателей плодит

Ленинград, Набережная реки Мойки, дом 61 — большое старинное здание, занимающее полквартала между Мойкой, Большой Морской и Кирпичным переулком. Здание, известное в прошлом своими меблированными комнатами и большим актовым залом, где выступали многие известные писатели, поэты, композиторы.

Мало кто знает, что в 1860 году здесь поставили гоголевского «Ревизора» с любопытным составом актеров и режиссеров: Д. Григорович, Ф. Достоевский, А. Кони, Н. Некрасов, И. Панаев, А. Писемский и И. Тургенев, что в 1877 году здесь играл Ф. Лист, а в 1886 году, между прочим, впервые прозвучала опера «Евгений Онегин», которую репетировал сам Петр Ильич Чайковский. Здесь бывали А. Рубинштейн, Г. Венявский, В. Курочкин и Н. Чернышевский, а в меблированных комнатах жили Н. Крупская. В. Ленин и Ф. Шаляпин. Да кто здесь только не бывал или не жил? Упоминаем об этом только для того, чтобы подчеркнуть, что великое и смешное – рядом!

С тридцатых годов XX века здесь – Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, в котором работали герои настоящего повествования. В описываемом 1981 году из перечисленных выше шестнадцати только Юлий Лев уже ушел из института; пятнадцать остальных мы застаем осенью 1981 года в коридорах, аудиториях, на своих рабочих местах и в своих кабинетах в здании на

Мойке

Над нашим городом родным, Над быстрою Невой Туман плывет, как белый дым, Подхваченный листвой. Плывут дома, плывут мосты, Плывет весь мир кружась, Над нашим городом родным Плывет осенний вальс.

Вернись в то время, что златой Осыпалось листвой, Но тает крик, как зов пустой, Лишь дождь — по мостовой. Лишь клены, ветвями скрепя, Зовут меня опять Совсем в других искать тебя, Отыскивать, терять...

Наши герои пожинали плоды своего «летнего отдыха», т.е. раздавали долги с полученного заработка, а раздав долги, все втянулись в будни последнего квартала года — «отдых» в Старой Руссе стал постепенно уходить в прошлое, которое быстро забывается, если ему не предъявляет счет будущее.

Витя Ананишнов, он же «Бугор» по шабашке, — бригадир шестнадцати электромонтеров и трубоукладчиков 4-го разряда — ожидал утверждения в ученой степени кандидата наук и перевода в доценты по кафедре экономики.

Володя Селянинов – неформальный лидер бригады, ее бард и поэт, втянулся в дурдомовскую хозяйственную деятельность на опасном посту главного инженера института.

Миша Лесман – коммерческий директор и фактический организатор работы бригады, уехал в командировку в Нижний Новгород по делам науки.

Юра Арзуманян, он же «Фосгеныч» по шабашке, – завхоз бригады, интенсивно готовился к чтению нового курса лекций по Теории передачи сигналов.

Олег Воробьев, он же «Сынок» по шабашке, завершив свою комсомольскую юность на посту секретаря комитета ВЛКСМ ЛЭИС, готовился к защите кандидатской диссертации и к работе на кафедре радиопередатчиков.

Юра Окунев, он же «Доцент», он же «Сеня» по шабашке, защитивший в том году свою вторую докторскую диссертацию, ожидал вызова в ВАК для очередного ауто-дафе.

Слава Петров, он же «Поручик» по шабашке, готовил бригады научных работников к проявлению трудового энтузиазма на колхозных полях.

Нам заработать денег не дают, Чуть что не так, куда-то шлют. Но не загнил лэисовский народ, Он тоже их куда-то шлет. Такая есть черта в характере — Он шлет их всех к далекой матери. Короче говоря, ничего интересного в нашей истории не происходило до 3 декабря 1981 гола!

В этот исторический день, который можно считать формальным началом Дела Шестнадцати, в бухгалтерию ЛЭИС пришла посыльная — работник бухгалтерии из СМУ-1 треста "Лентелефонстрой" — и передала официальный запрос СМУ администрации ЛЭИС. В этом запросе, который, к сожалению, не удалось приобщить к настоящему делу, перечислялись все шестнадцать шабашников, относительно которых требовалось сообщить, действительно ли они являются преподавателями института и действительно ли имели отпуска в июле-августе. По-видимому, в запросе указывалось, что сделан он в связи с проверкой правильности оформления и оплаты бригады из числа сотрудников ЛЭИС.

Старший бухгалтер расчетного отдела Лидия Васильевна отнесла запрос главному бухгалтеру Людмиле Дмитриевне, а она – прямо ректору института, профессору Юрию Петровичу Куликовскому.

Юрий Петрович всполошился на манер петуха, курей которого гребут посторонние, вследствие чего он далее, фигурально говоря, открыл папочку с завязками, написал на ней два слова прописными буквами "ДЕЛО ШЕСТНАДЦАТИ", нажал кнопочку и, уже совсем не фигурально, вызвал через своего секретаря Людмилу Ивановну Куликову, претендента на должность доцента Виктора Васильевича Ананишнова, который, как надо понимать, числился в запросе бригадиром шабашников.

Здесь мы подступили к первому ключевому пункту дела, к завязке всей заморочки, и на этом пункте следует остановиться подробнее и изъяснить, откуда и почему запрос взялся и почему из него, т.е. из мухи, раздули слона. Однако прежде обратимся к живому слову недолговечной человеческой памяти.

Из показаний Сергея Корчагина:

«Завязка, если это можно так сказать, нашего «Дела» стоит у меня перед глазами так отчетливо, как будто это было вчера. Я уже с трудом вспоминаю число и год (месяц почему-то помню), а вот саму завязку помню отлично.

В тот день я шел из канцелярии (регистрировал какие-то письма, а их в декабре обычно много) и уже проходил площадку 3-его этажа главной лестницы, когда меня окликнула старший бухгалтер расчетного отдела, шедшая со стороны отдела кадров к себе в бухгалтерию:

- Сережа! Можно тебя?
 Я обернулся и подошел к ней.
- Сережа, сейчас к нам в бухгалтерию принесли список, где есть ты, другие— всего 16 человек.
- Кто принес?
- Какая-то женщина из бухгалтерии СМУ Лентелефонстроя, ей нужо узнать сроки отпусков и оклады тех, кто у нее в списке.

Я машинально сказал: "Спасибо". Лидия Васильевна пошла к себе в бухгалтерию, и тут я вдруг вспомнил, что, когда шел в канцелярию, на площадке 3-его этажа какаято женщина спрашивала, где бухгалтерия; это была, наверное, та самая. Я тут же спустился вниз, нашел Володю Селянинова и сказал ему:

Тут одна маленькая заморочка.

После этого колесо "Дела 16", как-его потом назвали, закрутилось полным ходом. Цельной картины у меня в памяти не осталось, остались отдельные эпизоды. Запомнился мой прокуренный кабинет, полный народу, сам постоянно сижу в углу,

остальные кто где, что-то пьем (спирт или коньяк), курим и непрерывно спорим о возможных вариантах. И так каждый день в течение почти месяца.

Также прекрасно помню "аудиенцию" в кабинете Куликовского, когда все вставали и говорили, что никаких справок в глаза не видели, и, конечно же, речь Юрия Борисовича Окунева.»

Хорошо помню допрос с пристрастием в парткоме — Джакония и Пушкин... Как они мне пристально смотрели в глаза и спрашивали, кто делал справки, а я честно смотрел им в глаза и отвечал, что не знаю.

Также мне заполнилось то на редкость доброжелательное отношение ко мне, как к одному из 16, подавляющего большинства работающих в институте, что было в то время очень рискованно.

Вот и все, что мне запомнилось наиболее важного из тех дней».

Итак, колесо злопыхательского долбоебства закрутилось. Размышляя о том, что послужило толчком к его раскручиванию, анализируя, так сказать, причинно-следственные связи, нельзя упускать из виду общую обстановку гнусного подсиживания, часто опиравшегося на анонимное доносительство, которое было в широком ходу в то время. Так что ничего удивительного в таком раскручивании не было. Маленьким оправданием для ЛЭИС является то, что исходный толчок был не внутренним, а внешним, и был он по своей природе прост, как плевок мимо урны.

Дело в том, что у начальника СМУ-1 треста Лентелефонстрой А. Ляпина сложились натянутые отношения с главным бухгалтером, которая вследствие этого хотела его скомпрометировать, а еще лучше — посадить за хищения. Фактов, однако, не было, но тут ляпинские "доброжелатели" подсунули главбуху такой фактик: Ляпин оформил для рытья канав в Старой Руссе бригаду "белоручек" из ЛЭИСа, которые, конечно же, такой объем работ выполнить не могли, а следовательно...

Далее шли простые выводы – либо "белоручки" вообще не работали, а действовали в сговоре с Ляпиным через подставных лиц и деньги с ним поделили, либо объем произведенных работ завышен, либо, наконец, и то и другое. Для проверки первой версии и для затравки – запрос в ЛЭИС об отпусках мнимых работничков, для проверки второй – комиссия по замерам реального объема выполненных работ.

Дурдом как был, так есть дурдом – Кто бы ни правил в доме том, Кто б в доме том ни врачевал, Кто ядами б ни потчевал.

Теперь обратимся к ректору ЛЭИС – профессору, доктору технических наук Ю.П. Куликовскому, перед которым лежит запрос из СМУ-1. Чем руководствовался он, когда вместо того, чтобы спокойно ответить на запрос и заняться какими-либо другими более важыми делами, например, наукой или строительством нового здания института, раскрутил дело и в течение месяца с лишним отдавал ему всю свою стокилограммовую массу? Темна душа человеческая, и поступки человека не всегда имеют простое объяснение. Мы еще вернемся к обсуждению мотивов поведения Ю.П. Куликовского в "Деле Шестнадцати", но факт остается фактом: он с самого начала, с первой минуты делал все, абсолютно все, чтобы придать придуманному им "делу" максимальную огласку, обострить ситуацию, наказать всех 16 максимальным образом, опорочить их поглубже. Юрий Петрович уже в первые дни "дела", еще не разобравшись в нем сам, сообщил все, что ему известно, а также свои домыслы членам парткома, ректорату, в райком и горком партии и в Министерство связи. Он обращался за материалами в

СМУ, посылал туда своих людей для вынюхивания обстановки, создал комиссию парткома по расследованию, издал несколько блефовых приказов об увольнении то всех 16, то некоторых из них, запугивал, шантажировал. Доподлинно известно, что обращался он и к юристам, и в прокуратуру, и в ОБХСС — нельзя ли возбудить уголовное дело, учинив предварительно официальное следствие?!

Боже праведный! Зачем ты создал Номо Сапиенс неразумным?

Ох, зазря
Трусливый хам во храме молится.
Не дано
Ему бездушному понять:
Люстры – в залах тронных,
А лампады – в горницах;
Люстры гасят,
А лампадам век пылать.

Вернемся, однако, к событийной стороне дела, отложив психологию напоследок.

3 декабря к вечеру почти всем членам бригады было известно о развороте дела. Собственно говоря, никаких вдумчивых обвинений пока предъявлено не было, но сам факт разглашения имен шестнадцати шабашников – всем известных в институте лиц – был тогда почти сенсационным, и ясно было, что без последствий дело не обойдется.

Все кругом не так. Все кругом не те. А, может быть, я Сам отверженный. А, быть может, свет Мраком кажется? А, быть может, мрак Светом видится?

Было что-то стыдное до неприличия в самом факте: ответственные сотрудники использовали свой отпуск, чтобы подзаработать на тяжелой физической работе, вместо того, чтобы пролежать месяц в гамаке на даче или на пляже на курорте, как это делают все порядочные люди. Мораль общества в те времена была такова, что указанный факт воспринимался исключительно в уголовном аспекте и как деяние безусловно аморальное. Это особенно поразительно, если вспомнить изложенные нами в предыдущих разделах суть и деловую оценку деяния наших шабашников, подтвержденные свидетельскими показаниями и документами. Поразительно и не укладывается в нормальную логику..., а, между тем, логика ненормальная, но по тем временам обычная, подсказывала Шестнадцати, что ничего хорошего им ждать не приходится. Несмотря на это, настроение у собравшихся вечером 3 декабря, чтобы справить день рождения Славы Петрова, было довольно веселое, а песни пели немножко грустные – о любви, о жизни и мечтах...

Когда снится мне дождь, Он и, правда, идет. Бьет по крышам домов Для друзей и врагов. А моей – не моей, Что меня и не ждет, Дождь всю ночь напролет Колыбельную льет.

Тротуары вжались в лужи. Фонарей прмокли души. Солнце наземь расплескалось Плошкой сказочных чудес. Словно конь с златою гривой, Рыжий конь с златою гривой, Как огонь неукротимый, Проскакал в осенний лес.

Когда ветер во сне Провода в жгуты вьет, Значит он наяву Рвет с деревьев листву. А моей – не моей, Что меня и не ждет, Ветер ночь напролет Песню в трубах поет.

Осень ткет свой ковер Из воды и огня, Из янтарной пыли, Из брусничной крови. А моей — не моей, Что забыла меня, Дарят песню друзья: Дождик, ветер и я.

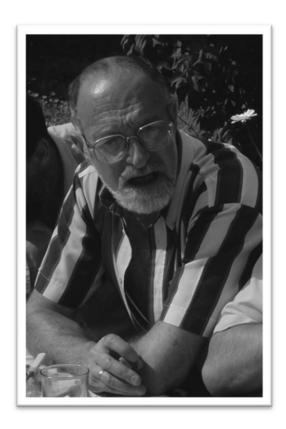
Рыжий конь Как огонь, Опалил мой покой. Ты постой, Рыжий конь, Ты покой мой Не тронь!

Только конь с златою гривой, Рыжий конь с златою гривой Разметался, распластался Над заплаканной землей.

Из показаний Олега Воробьева:

«Вечером около 20.00 я позвонил на квартиру Петрову, чтобы поздравить его с днем рождения. Сделать мне это удалось не сразу и с большим трудом. Дело в том, что в квартире стоял страшный шум, прерываемый дикими взрывами хохота. Слава объяснил мне, что веселье связано с высоким моральным духом собравшихся там людей и "маленькими заморочками", которые возникли у нас всех в связи с «летним

отпуском». Я позавидовал присутствовавшим на празднике и продолжал спокойно болеть дома».

Из показаний Моисея Берсона:

«Трудно вспомнить более полный событиями год в моей жизни, чем 1981. Причем наиболее памятные произошли во второй половине. Аппендицит. Отчаяние от того, что невозможно поехать в Старую Руссу с родной бандой ... И поездка!!!

По возвращении все пошло своим чередом. Пришел черед и дня рождения Славы Петрова. Волею учебного отдела у меня были вечерние занятия, и свои поздравления я сделал по телефону, прямо из лаборатории. Реакция была неожиданно резкой: "Срочно, как освободишься, приезжай. У нас тут заморочка". Вопрос не обсуждался. Около одиннадцати вечера я был на месте. Как выяснилось позже — это был вечер дня первого.

На 12.00 следующего дня все были вызваны к Юрию Петроичу. В 11.00 – предварительный сбор у главного энергетика. Отношение к происходящему пока несерьезное. Поэтому и я явился лишь в 11.30. С утра были дела много, как казалось в тот момент, важнее. Но очень, очень скоро "Дело 16-ти" заняло все время и все мысли ...».

Как видно, первое впечатление и первое настроение у членов бригады были довольно благодушными и легкомысленными. Опасности и вообще какой-либо серьезности в том, что произошло 3 декабря, еще не усматривалось. Была, пожалуй, какая-то неловкость в том, что все это приходится или еще придется обсуждать с ректором. Эта неловкость преодолевалась в общении друг с другом бурными взрывами остроумия на тему "доцент-шабашник".

Отмерил Бог, Отмерил Бог Для жизни свою меру. Сполна дал тем, Кто мается в тиши, Кто кается, Ругается, Кто не бывает первым. Кто никогда, Кто никогда, На финиш не спешит.

Однако уже на второй день "дела" Ю.П. Куликовский сформулировал официальное обвинение, которое базировалось, главным образом, на обнаруженных в сейфе СМУ-1 справках об отпусках членов бригады. Эти справки стали стержнем всего дела, его движителем, и именовались далее не иначе, как "подложные (или фиктивные) оправки, содержащие поддельную подпись и изображение гербовой печати института". Для того чтобы будущий читатель понял, что к чему и из-за чего сыр-бор, мы приводим одну из шестнадцати чудом сохранившихся справок — исторический документ "Дела Шестнадцати".

CCCP

Министерство связи Ленинградский Электротехнический Институт Связи им. проф. М.А.Бонч-Бруевича 191065, г.Ленинград, наб.р.Мойки, дом 61

"26" 06 1981г.

СПРАВКА

Выдана тов. ... в том, что он действительно работает в Ленинградском электротехническом институте связи им. проф. М.А.Бонч-Бруевича в должности преподавателя.

Очередной отпуск с 1.07 по 31.08 Справка дана по требованию. Начальник отдела кадров (подпись)

Гербовая печать

Как видно из текста, каких-либо особых прав или привилегий эти справки не давали. Вообще, они и не очень-то и нужны были, однако при оформлении шабашников на работу ушлые администраторы любили такие справочки к делу подшить. То есть, и без них бы оформили, но для собственного покоя — лучше подшить.

Итак, первое, что следует сказать о пресловутых справках – козырной карте Ю.П. Куликовского в "деле" – так это то, что ни денег, ни пайка обкомовского на халяву, ни путевок в спецсанаторий по ним получить нельзя. И урвать чего-нибудь от соцсобственности тоже невозможно. Справки давали возможность вкалывать на

грязной работе в поте лица своего во время отпуска, что, как известно из Библии, было разрешено и даже предписано Богом всему роду человеческому совсем даже безо всяких справок. Так зачем же было, спрашивается, огород городить и прокурора выкликать? И где здесь криминал?

A! – страшным голосом отвечал Юрий Петрович – так ведь в справке сказано, что вы преподаватель, а на самом деле вы кто?

Ну и что! – вторили мы Юрию Петровичу. Предположим, что товарищ Петров или там, скажем, товарищ Лесман отнюдь не преподаватели, а зам. начальника НИЧ института или, скажем, с.н.с., к.т.н.! Так что же, тов. Петров, написав заявление с просьбой принять его на работу трубоукладчиком 4-го разряда с тем, чтобы в первый же день своего отпуска поскорее залезть в яму грязную, тут же справочку представит, что он зам. начальника научно-иследовательской части крупнейшего вуза отрасли? Или, аналогично, тов. Лесман, попросившись траншею копать и трубы в нее укладывать, справочку представит, что он, между прочим, старший научный сотрудник, да еще к тому же кандидат технических наук? Некрасиво как-то, и для вашего института, милейший Юрий Петрович, непристижно – у вас получается, даже начальники и с.н.с-ы не могут на отпуск заработать! Уж лучше написать, что тов. Петров и тов. Лесман – преподаватели.

Преподаватель – мышь нищая. Это всем понятно! Оформят-то в яму кого угодно – и с.н.с-а и доцента, но лучше написать – преподаватель! С точки зрения эстетической лучше! Да к тому же большой неправды и в этом нет, т.к. все с.н.с-ы преподают – кто лекции читает за 2р.50к в час, кто упражнения ведет за 1р. в час, кто дипломниками руководит, т.е. в вузе все сотрудники – преподаватели, как вы, Юрий Петрович, нас учите!

Так что на этом пункте, Юрий Петрович, дело пришить не удастся – криминал ничтожный!

А-а! – еще более страшным голосом отвечает Юрий Петрович – так ведь в справке сказано, что у вас отпуск с 1.07. по 31.08! А на самом то деле один месяц!

Ну и что?! – вторили мы ему. У кого когда отпуск был, тот тогда и работал! Но все отпуска в интервале с 1.07 по 31.08 укладывались. А для оформления удобнее было указать весь интервал, чтобы людям и в июле зарплату заплатить, и в августе! Но, в любом случае, заметьте, строго за выполненную работу и ни копейки больше. Так что справочки ваши и в этом пункте ничего похитить-то не помогли, и криминал опять же ничтожный!

A-a-a! – уже совсем страшным голосом вопрошает Юрий Петрович. А кто вам эти оправки давал?

Вот тут нельзя с Юрием Петровичем не согласиться – никто не давал, сами взяли! То есть, взяли 16 бланков, написали одной рукой 16 идентичных текстов, подписались той же рукой 16 раз за нач. отдела кадров и в приемной ректора приложили 16 раз гербовую печать! Вот это да – криминал! Уж что есть – то есть! Это ведь, вдумайтесь только, что сделали? За самого начальника отдела кадров расписались, за самого начальника!!! А-я-я-я-яй! Да еще в чем расписались! Что, мол, преподаватели, да еще отпуск имеют от и до! Наглость какая! Да сверх того еще святая святых – гербовую печать приложили! Украли, можно сказать, невинность честную и непорочную! Запятнали! Эдак каждый себе оттиск с изображением государственного герба на чем хочешь поставить может!

Правда, на это можно было бы возразить в том смыеле, что, мол, это молот, это серп – государственный наш герб, хочешь жни, а хочешь куй – все равно получишь... зарплату. А поскольку, мол, ничего, кроме зарплаты, не получишь, то какая разница – сами оттиснули печать или это сделал нач. отдела кадров?

Но формально, конечно, Юрий Петрович в этом пункте был прав: оттиск гербовой печати подлинный, подпись поддельная, справки липовые! Деяние неразумное и безответственное и даже удивительно, что столь серьезные люди с этими справками связались, не продумав последствия хотя бы на два хода вперед. А посему следовало ему – Юрию Петровичу – вызвать предполагаемых виновников, устроить им разнос по первому разряду в тиши кабинетной, ответить на запрос СМУ без балагана, четко и посуществу, а затем заняться делами, ректору приличествующими. Вместо этого Юрий Петрович схватил топор и закричал: "Запорю! То бишь – уволю и в тюрьму засажу!".

Опасность вижу в том, что есть, Ты видишь в том, что будет. Колоколов литые груди, Вздымаясь, выдыхают весть. Мои предчувствия сильней, Твои предвиденья точнее. Нас тащит времени теченье По речке уходящих дней.

Впрочем, наша повесть историческая и пора дать слово одному из очевидцев. Секретарем ректора в то время была Людмила Куликова — очаровательная молодая женщина, ангел-хранитель Банды Шестнадцати. Юрий Петрович заподозрил ее в причастности к делу — ведь гербовая печать находилась у нее. Фактически она стала семнадцатой в деле шестнадцати.

Из показаний Людмилы Куликовой:

«З декабря 1981 г. Время — от 14 до 15 часов. В приемную ректора вошла гл. бухгалтер института и решительно направилась к кабинету ректора. По ее решительной походке, по выражению лица было видно, что весть ректору она несет чрезвычайную. Через несколько минут на моем столе зазвонил телефон прямой связи с ректором. Решительным тоном мне было предложено разыскать и пригласить к нему В. Петрова., или В. Селянинова или М. Берсона. Далее он мог не продолжать, остальных я знала сама и могла продолжить перечень фамилий. На месте оказался, по-моему, В. Ананишнов. Где искать остальных — я тоже знала: у Петрова день рождения.

Надо сказать, что я сразу поняла, что случилось ЧП, связанное с печатями на справках, которые дважды на моих глазах штамповал... один из Шестнадцати. У меня внутри все похолодело.

Вскоре ректор пригласил меня в кабинет. Кроме него, в кабинете уже находился О.С. Когновицкий — секретарь парткома. Я знала, о чем со мной будут говорить, но не могла предположить, в каком тоне. Не успела я войти, как мне с порога было заявлено, что меня посадят в тюрьму за то, что я участвовала в подделке документов. На мое удивление мне объяснили суть дела.

Я потом много раз возвращалась к этому первому разговору и до сих пор не знаю, как бы я себя повела, выбери он другой тон и другие слова.

А потом закрутилась машина, да так стремительно, что остановить ее было уже невозможно при всем желании. Звонки ректора юристам, в прокуратуру, в Министерство, в партийные органы сделали невозмолсным закрыть этот вопрос "без крови". Четыре недели нервотрепки всем участникам и многим другим.

Спустя некоторое время, у ректора нашлись нормальные слова для разговора со

мной, но они уже не воспринимались. Мне, чуть ли не с извинениями, кроме всего прочего было сказано, что я должна согласиться с наказанием в виде выговора в приказе и воспринимать это должна, как нормальный акт. А мне было все равно, хотелось только, чтобы все это скорее кончилось, все равно как, но кончилось.

К сожалению, все остальные перипетии этого месяца — разговоры с участниками "Дела 16", с Пушкиным — членом комиссии, назначенной парткомом для расследования дела, попытки многих в частных беседах выяснить истину, перепечатка многочисленных вариантов приказа о наказании и многое другое — не носят в моей памяти системного характера.

Хочу сказать, что я ни разу в жизни не пожалела о том, что оказалась 17-ой, хотя эта история и оказала влияние на мою дальнейшую судьбу, как и на судьбу многих других из 16. Не далее как вскоре после Нового года на одном из заседаний ректората Куликовский предложил проректорам подыскать мне в институте другое применение».

Итак, первый допрос первого свидетеля, первые угрозы, первая неудача Юрия Петровича: ведь Люда Куликова знала "изобретателя" справок, но не выдала его, хотя честно признается, что, пожалуй, могла это сделать, если бы и подход, и тон, и обстановка были бы другими.

О, женщины, коварные в прекрасном! Мы с вами, как на пропасти краю. Нам рядом с вами быть всегда опсно, Опасно, как в проигранном бою.

Нужно сказать, что Юрий Петрович как-то сразу, вероятно, не подумав, избрал в Деле Шестнадцати крайне неинтеллигентный, а подчас просто хамский, стиль поведения, не говоря уже о сути этого поведения. На самом-то деле, выявлять того, одного единственного, кто ставил печати на липовые справки, было совершенно бессмысленно. Ответственность все шестнадцать делили поровну вне зависимости от того, кто какую работу выполнял. Им представлялось очевидно невозможным выделить в деле со справками кого-то одного, свалив тем самым на него общую винубеду.

Солнце! Помоги не спечься! Помоги не стать лучиной, Нужной людям лишь во мраке! Помоги мне быть мужчиной В краткой жизни — долгой драке!

Иначе думал Куликовский. Собрав бригаду у себя в кабинете, он сформулировал свою позицию следующим образом:

- а) он поставлен государством управлять институтом и не может быть добреньким;
- б) деяние с подложными справками оставить без последствий нельзя;
- в) все Шестнадцать будут за это уволены;
- г) если бригада назовет одного виновника, то будет уволен и отдан под суд только он, а остальные будут наказаны иным более мягким способом.

На этом последнем пункте, который по иронии пришелся точно на букву «г»,

Юрий Петрович впоследствии замыкался все более определенно и маниакально. Этот «г» пункт стал его навязчивой идеей. Этот кусок «г» он пытался реализовать уже на первых индивидуальных допросах в своем кабинете с глазу на глаз. Профессор Куликовский – «интеллигент» советского розлива – не мог поверить, что никто из 16-ти не расколется, не предаст и не продаст. Он полагал делом своей «чести» и делом государственной важности доказать, что такого быть не может, потому что по совковой психологии такого не может быть никогда!

Купола, вы мои купола!
Золотые вериги России,
Вас толпа пропила, прокляла,
В грязь втоптала ногами босыми.
Звонарей черный год отстрелил,
Воронье в колокольнях жирует.
То, что красный тррор не спалил,
Сам народ разорит, разворует.

Первыми допрашиваемыми были Виктор Ананишнов, Владимир Селянинов и Вячеслав Петров. Все трое отказались сказать что-либо определенное о справках, пытались успокоить Юрия Петровича и в мягкой форме урезонить его: особых причин для беспокойства нет, работали честно и хорошо, зарплату получили законно, сделали полезное дело, никаких справок не оформляли, никому эти справки не нужны, а поэтому все дело со справками, если они вообще существуют, простое недоразумение. Нужно подчеркнуть, что этой линии придерживались более или менее и остальные

допрашиваемые.

Предоставим, однако, слово свидетелям первых допросов. Пусть оживут события тех лней.

Из показаний Виктора Ананишнова:

«З декабря 1981 года. Утром по звонку из канцелярии был обрадован сообщением о появлении открытки из ВАК – мне утвердили звание доцента.

Во второй половине дня, часа в четыре, опять же по телефонному звонку, был вызван к ректору. Редкое приглашение до последующих событий. Шел, вернее бежал к ректору с благостной мыслью – хочет поздравить с доцентством.

Как я был наивен: между Куликовским по его речам на заседаниях парткома и настоящим Куликовским оказалось дистанция, как говорят, огромного размера.

У приемной встретилась взволнованная Люда Куликова., она зашептала быстро, Из чего я понял лишь отдельные слова: "печать"..."справки"..."я тут ни при чем"..., и еще мне стало ясно, что поздравлений не будет.

В кабинете сидели ректор и главбух Людмила Дмитриевна Гусева.

— Посмотрите этот список — примерно так сказал Куликовский и протянул мне листок бумаги с перечнем шестнадцати фамилий.

Я посмотрел и понял: описок всех тех, кто был оформлен в Лентелефонстрое. Как он мог появиться?

— Не знаете, кто возглавлял их? — прямой вопрос ректора требовал прямого ответа. Сказал, что я. Кажется, он был удовлетворен, и мне показалось, что вопрос исчерпан. Меня отпустили. Но уже через несколько минут стала проясняться картина, потому что о списке уже знали Петров, Селянинов и, возможно, Карпов.»

Ставят к кресту и гвозди вбивают. Гвозди – слова. Нет больнее гвоздей. С верой в святое нас распинают Наши враги – наши друзья.

Из показаний Владимира Селянинова:

«Запрос из СМУ-1 был доставлен посыльной. Она обратилась в бухгалтерию, в большую комнату. Ее направили к главбуху ЛДГ. ЛДГ с бумагой полетела к ректору ЮП, а тот — к скоротечному маразму. Вот тут-то и вызвали уважаемого ВВА на ковер, но отнюдь не по случаю присвоения доценства. ВВА, как божий ангел, подтвердил все факты трудоустройства, окромя справочной эпопеи, и выдвинул себя в главное действующее лицо по руководству шабашническим движением.

Первым после BBA беседу с ЮПом пришлось иметь мне. В простых выражениях я пояснил, что дело не стоит того. Работы выполнены в полном объеме, бригадный подряд позволил отсутствующим на работах по уважительной причине соблюсти коэффициент трудового участия KTY=0, и это не является использованием подставных лиц. О справках я ничегошеньки не знаю, ибо знаю, что они не имеют юридической силы для оформления. Я сомневаюсь в наличии этих справок и полагаю, что если отнестись к делу не спеша, не делая опрометчивых шагов, то оно так, видимо, и есть.

Что показала встреча первая с ЮПом? Он желал, чтобы на блюдце с голубой каемочкой ему преподнесли товарища некоего. Репрессии будут применены только по отношению к этому товарищу, ибо он – ректор – не может допустить, чтобы

изображение оттиска гербовой печати вместе с фирменными справками института порхали где-то. По отношению ко всем оставшимся он предполагал применить малые репрессивные меры: выговоры и т.п. Он не сомневался, что определит одного из шестнадцати при помощи остальных шестнадцати. Кичился этой уверенностью.

Таких индивидуальных встреч было несколько. Давления в мой адрес не было. При работе бригады "Поэта" ЮП свидания прекратил и возобновил их после того, как ему стало ясно: ничего он не сможет выяснить и жертвы не будет.»

Гвоздь за гвоздем, удар за ударом. Небо грузнеет, на плечи давя. Не за серебренник бьют, – задаром, Наши враги – наши друзья.

Из показаний Вячеслава Петрова:

«После обеда появился в институте. На площадке 2 этажа, как обычно, встретил кого-то из наших и получил информацию о списке, лежащем на столе у Куликовского. Особого страха не было, но под ложечкой засосало. Придя на место, хотел проконсультироваться с вождями, но не успел. Раздался телефонный звонок. Звонила Людмила Куликрва:

– Тебя вызывает шеф .

Затем, чуть помедлив, спросила:

Тебе не кажется, что нам следует поговорить?

О том, что ее волновало, было понятно, но даже в голсву не приходило, что кто-то может ее приплести.

В кабинете Куликовского разговор звучал примерно так:

- Здравствуйте. Присаживайтесь. Вам знаком этот список?
- Знаком.
- Ну, и что же вы там делали?
- Работали. Прокладывали телефонную канализацию.
- Интересно. А кто же у вас был начальником?
- Собственно говоря, у нас такого не было. У нас демократия, хотя и числился бригадиром Ананишнов.
- Это мне известно. Так же, как и то, что идеолог у вас Селянинов, а кормилец Арзуманян. А что же делали лично Вы?
- Работал трубоукладчиком IV разряда.
- А здесь вы кем работаете?
- Зам. начальника НИЧ.
- А почему значились преподавателем?
- Да как-то неудобно зам. начальника. НИЧ оформляться трубоукладчиком. И потом сильной неправды в этом нет. Раньше я действительно вел занятия по кафедре.
- Сколько времени вы там, так сказать, работали?
- Ровно весь отпуск. Как и все другие.
- Конечно же вы все там сделали и деньги возвращать не собираетесь?
- Естественно.
- Ну, что же, идите. Откровенного разговора у нас не получилось.

А потом был вечер у меня дома, неестественно наполненный черным юмором. Через пару дней жена приносит с завода "Россия" известие:

- У вас в институте группа сотрудников свистнула документы по первому отделу и продала их за 70 тысяч. Ты не знаешь, кто это?
- Конечно. знаю это мы!»

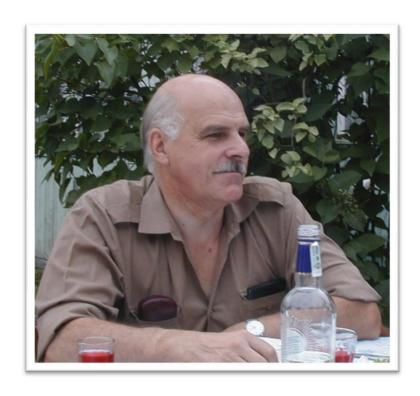
Ложь жирует в поле зла, Сладко ест, подолгу спит. Разомкнув объятья сна, Продолжателей плодит. Щиплют враки, сплетни пьют Злобные врунята лжи, Всласть насытившись бегут Вдоль правдивости межи. Лгут, клевещут, льстят, хитрят, Подлость стелят на пути, Перейти межу хотят, Но никак не перейти. Не сойти им с поля зла На дорогу доброты.

Юрий Петрович допросил подобным образом почти всех, некоторых по несколько раз. К великому сожалению, допросы не стенографировались, достоверных свидетельств о них у нас не сохранилось, и богатейший материал эпохи, отражающий "куликовщину" в широчайшем спектре и со всеми нюансами в разрезе "начальник-подчиненный", канул в Лету. Допросы шли на разных уровнях вежливости, пиетета, резкости, жесткости, жестокости в зависимости от положения допрашиваемого относительно допрашивающего. Применялись различные степени давления, увещевания, запугивания, угроз и шантажа. Соответственно, в ответ раздавались различные, нами безвозвратно утерянные формы отпора, отповеди, сопротивления, непротивления, признания, покаяния, раскаяния, как правило, неискренних, поскольку противопоставлялись они ничем не прикрытой демагогии.

Одно можно сказать достоверно: все отказались пролить свет на историю возникновения справок, все от них отреклись категорически.

Ничего существенного в продвижении "справочного вопроса" не дали и визиты обеих противоборствующих сторон в СМУ-1. Куликовский направил туда ходоков, чтобы справки забрать и обследовать (может быть — на отпечатки пальцев?), но его ходокам справок не дали, но показали. Среди официальных ходоков — сыщиков джоморощенных, направленных Ю.П. Куликовским в СМУ, главной была Валентина Ивановна Михайлюк — проректор института по строительству, и мы ее славы геростратовой лишить не можем. Валентина Ивановна поехала в СМУ с образцами подписей работников отдела кадров и еще кое-кого, подписи на справках с образцами сличала.

Шабашники тоже не бездействовали. Лесман и Селянинов сходили к известному адвокату Ноткину – мол, там нам поддельные справки шьют. Так что же об этом в законе сказано? Ноткин разъяснил, что за подделку документов по статье 175 УК РСФСР положено до одного года, а за повторную подделку (!) – до трех. Правда, тут же добавил, что по этой статье никого не сажают, если нет сопровождающего криминала, связанного с использованием подделанных документов. После этого наши сходили в СМУ-1 и попросили справки уничтожить; это им сделать обещали, но не сразу.

Из показаний Владимира Селянинова:

«ЮП побежал вперед паровоза, погнал любителей сыскарей определить: кто слепил справки, действительны ли они, чья на них подпись, чей почерк и что там за оттиск печати?

Знакомство с документами показало: справки есть, BBA и ЮВА их взяли на два месяца законно, остальные — "преподаватели" липовые. Оттиск гербовой печати действительный, подпись похожа на подпись работницы отдела кадров Натали, оказалось — не факт. Работники отдела кадров подтвердили, что указанные справки они не давали.

МЯЛ находился в г. Горьком. Смылся в столь серьезный момент в командировку. Ляпкин-Тяпкин заверил, что бумаги ветром сдует, как только будет нужно. Однако, прикрывая свою заднюю часть, этого не сделал. С листочками познакомились представители института, и после этого Ляп-Тяп запрятал их в сейф. Опять же, после последующей встречи уже со мной и с МЯЛом, он заверил в их последующем физическом уничтожении, но при критической ситуации».

Под критической ситуацией понималось возможное судебное следствие по делу. Начальник СМУ-1 опасался уничтожить справки — его испугала активность Ю.П. Куликовского. Ведь последний узнал о справках от самого начальника Лентелефонстроя тов. Иванова и, чтобы упредить возможные доносы наверх, раззвонил о них по всему городу, доложил министерскому начальству...! Чего он еще выкинет, никто не знал, но ожидать можно было всего.

Подходила к концу первая неделя "Дела Шестнадцати", а состояние "дела" было таково: справки лежат в сейфе СМУ-1, их происхождение не выяснено, коллективные и индивидуальные допросы ничего не дали, жертва не выдана. Учиненное Ю.П.

Куликовским следствие забуксовало, и он начинает нервничать, делать очередные благоглупости ... Одно из свидетельств тому – нижеследующий приказ.

CCCP

Министерство связи

Ленинградский Электротехнический Институт Связи им. проф. М.А.Бонч-Бруевича 191065, г.Ленинград, наб.р.Мойки, дом 61

" " 12 1981г. ПРИКАЗ

3 декабря 1981 года ЛЭИС получил запрос из треста "Лентелефонстрой" с просьбой подтвердить время отпусков 16 сотрудников института, оформленных на работу по бригадному подряду в СМУ-1 этого треста в июлеавгусте 1981 г. во главе с бригадиром — ст.преподавателем Ананишновым В.В.

При проверке выяснилось, что на неработающего в ЛЭИС Юлия Льва, двух преподавателей и 13 научных сотрудников представлены в СМУ-1 подложные справки, из которых следует, что все они – преподаватели и все имеют отпуск с 1 июля по 31 августа. Справки содержат поддельную подпись и изображение гербовой печати института.

В связи с изложенным ПРИКАЗЫВАЮ:

- 1. УВОЛИТЬ с ... декабря 1981 года по статье 254 п.3 КЗОТ РСФСР за совершение аморального поступка организацию и участие в работе бригады по подложным справкам (далее идет список бригады шабашников, приведенный выше)
- 2. ОБЪЯВИТЬ строгий выговор за халатное отношение к хранению институтской печати ст. инспектору Куликовой Л.И.
- 3. И.о.начальника отдела кадров Сикорской Л.М. принять неотложные и действенные меры к предотвращению незаконного использования бланков справок.
- 1. Сообщить на место работы Льва Ю.М. существо настоящего приказа.

РЕКТОР, ПРОФЕССОР СОГЛАСОВАНО: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТКОМА СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА Ю.П. Куликовский

Э.П. Перфильев О.С. Когновицкий

Этот неизданный, но разрекламированный приказ был чистейшим блефом, средством давления на слабонервных; он должен был продемонстрировать серьезность ситуации.

Все напряженно ожидали новых акций с обеих сторон!

Ты, любовь моя, меня вызвони! Ты, любовь моя, меня вызови! Ты, любовь моя, меня высвети! Ты, любовь моя, меня вызволи!

> На душе пожар Дождик не зальет. Может долго ждать

Тот, кто долгл ждет. Может долго ждать Он единственный, И она его Всё же вызвонит.

В снах иду с тобой Рука об руку Я по радуге И по облаку. Возвернусь из снов, — Ты опять вдали. Ты из снов, любовь, Меня вызволи

Ты, любовь моя, меня вызвони! Ты, любовь моя, меня вызови! Ты, любовь моя, меня высвети! Ты, любовь моя, меня вызволи!

КУЛИКОВЩИНА

Ох, зазря
Трусливый хам во храме молится.
Не дано
Ему бездушному понять:
Люстры – в залах тронных,
А лампады – в горницах;
Люстры гасят,
А лампадам век пылать.

День девятого декабря 1981 года является второй после 3 декабря важной датой в деле Шестнадцати. В это день состоялось решение парткома о создании "комиссии по расследованию вопроса о работе бригады", на этот день, кроме того, пришелся, как мы вскоре увидим, эпицентр личной активности Ю.П. Куликовского в дознании.

К 9 декабря "дело" было полностью сфабриковано, поставлено на рельсы, и все ждали, что добровольные толкачи-палачи разгонят и спустят вагонетку с "шестнадцатью" под откос. Приятно подставить подножку ближнему своему, еще приятнее подтолкнуть его (ближнего!) слегка, чуть-чуть, когда он сам падает, а совсем уж замечательно наблюдать, как ближний самостоятельно в грязь скатываемся. Вроде бы, ты чист, а вокруг вон какие безобразия творятся.

И кто бы мог только подумать? Это ж надо! Евреи и коммунисты! Вместе воровали, документы кое-кому продавали с печатями!

Косила смерть, Косила смерть, Невинных, грешных, падших, А поперву, А поперву Поэтов и певцов, Жизнь любящих, Жизнь любящих, Но жить уже уставших, Уставших от лжецов,

льстецов,

глупцов и подлецов.

Сначала по институту, а затем, перехлестнув его непрочные стены, по городу потекли слухи и сплетни — самые невероятные, но у нас вполне возможные. Спектр этих слухов был необычайно широким — кажется, только убийства Шестнадцати не приписывались!

Об одной из ходовых версий мы уже упоминали: группа высокопоставленных сотрудников ЛЭИС, пользуясь своим служебным положением, похитила в первом отделе секретные документы и продала их. Кому продала при этом не указывалось, однако намекалось на политический характер деяния — мол, продали Родину за деньги. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, отметим, что попытки политической компрометации некоторых членов бгигады имели место и впоследствии, когда собственно "дело" уже давно закончилось. Сомнительное с точки зрения совковой "морали" тех времен участие в шабашничестве, да еще в полусионистской, т.е. жидовской, среде помешало некоторым из Шестнадцати занять более высокое положение, стало препятствием непреодолимым в их карьере. Однако это уже другая история, и мы не будем отвлекаться на смежные вопросы поганой советской общности.

Из других не менее тяжких версий преступления Шестнадцати наиболее популярной была следующая. Подделав документы об отпусках с помощью украденной гербовой печати института, они выписали (отписали, приписали) себе огромную сумму денег за строительные работы, которые якобы выполнили. На самом же деле работы выполнялись нанятыми "неграми" из числа студентов и чернорабочих, которым жулики заплатили мизерную сумму. Сами же они украли... Тут назывались разные суммы, но наиболее популярной была сумма в 70 тысяч рублей, причем в некоторых версиях утверждалось — 70 тысяч каждому! Эта версия процветала и в различных смягченных вариантах. Например — не украли, а только собирались украть, но ничего не получилось. Или — не 70, а всего 7 тысяч, и не каждому, а всем вместе.

Кстати, любознательный и вполне доброжелательный читатель вполне вправе спросить, а сколько же заработали наши герои на самом деле? И мы, взявшись за перо правдивое и бескомпромиссное, не можем отказать читателю в удовлетворении его законного интереса. В действительности бригаде было выплачено всего 10720 рублей, то есть в среднем по 670 рублей, а максимальный размер зарплаты составлял около 1000 рублей.

- Как?! воскликнет изумленный и разочарованный читатель, который хорошо помнит, как круго воровали в те времена власть или дефицит предержащие.
- Всего-то??!! За изнурительную работу по 12 часов в день??!! Да ведь это меньше недельного заработка американского инженера ниже средней квалификации! Да ведь столько какой-нибудь грузинский или азербайджанский цеховик в день получает! Да ведь самый незначительный взяточник на самой незначительной партгосдолжности брал больше!

Однако факт остается фактом, и замкнутый круг деяний именно таков: работа тяжкая плодоносная – оплата чуть выше смехотворной – преследование и наказание за

оформление на ту работу, тяжкую и плодоносную, за зарплату чуть выше смехотворной...

Вернемся, однако, к слухам и их последствиям. Источники и распространители слухов были многочисленными, но первоисточники — это, безусловно, ректорат и партком ЛЭИС, в частности, секретарь парткома Когновицкий, который получал информацию непосредственно от Куликовского. Вот тому одно из доказательств.

Из показаний Вячеслава Петрова:

«Заседание парткома. Последний вопрос — информация Когновицкого по делу 16ти. Выступая, постоянно оглядывается на Куликовского, в конце путается, сбивается, заявляет, что через подставных лиц, не работая, мы получили значительную сумму денег. Куликовский недовольно морщится. А нам с Виктором это дает возможность учинить галдеж о несоответствии информации действительности. Тем не менее — создали комиссию и начали раскрутку.»

Самые нелепые вымыслы по "делу" фабриковались не только против Шестнадцати, но и с ориентацией на Куликовского: любая скандальная история в институте дискредитировала его как ректора, а в этом многие были заинтересованы. Юрий Петрович, по-видимому, понимал это, но уже ничего не мог сделать — джин был им из бутылки выпущен. Выпестованный им в институте партийно-государственный клубок змей начал его же и обволакивать.

Собственно, членов бригады беспокоили не крайности, нелепость которых была более менее очевидна, а необходимость объяснять, что ты не верблюд, вполне доброжелательным людям и далже своим друзьям.

Из показаний Юрия Окунева:

«Мне позвонил один знакомый из Академии Связи — это было в середине декабря — и спросил, что у меня стряслось? В деликатной форме он пояснил: в НТОРЭС (Научно-техническое общество радио, электроники и связи) рассказывали, что Окунева втянули в какое-то дело, связанное с хищением крупной суммы, и что у него теперь неприятности — следствие, ОБХСС, обыски. Пришлось рассказывать, что на самом деле происходит, хотя очень не хотелось. Приятель сделал вид, что поверил мне, и посочувствовал вполне искренне. Потом выяснилось, что "информация" в Правлении НТОРЭС от одного из сотрудников ЛЭИС. Я с ним потом говорил, он отрицал какое либо злопыхательство со своей стороны. По-видимому, просто что-то болтал, не отдавая себе отчета в последствиях.

В коридоре института встретил своего сокурсника.

- Слушай говорит он кого вы там заставили вместо себя работать? Отвечаю осторожно, что, мол, никого, конечно, не заставляли, сами работали.
- Юра! укоризненно качает головой приятель ну, кто в это поверит.

Мой близкий друг, узнав о моих неприятностях, тоже укоряет:

– Как ты мог после защиты докторской ввязаться в это дело? До утверждения нужно затихнуть, вообще никому не попадаться на глаза!

Очень утомляла в тот месяц необходимость давать всем объяснения, как бы оправдываясь. В то время как самому себя не в чем было обвинить, даже по самым высоким меркам.»

Когда нет сил свой крест нести, Не до стихов, не до общенья. Господь, помилуй и прости, Не обрекая на мученья.

Не добежал. Не достучался. Пытаясь громче всех молчать, Не дозвонился, не дозвался, — Остался тише всех кричать.

Ну и, конечно же, во все инстанции пошли анонимки – порождение тоталитарной закрытости, безгласности, бесправия и беззакония. В те времена анонимка восполняла отсутствие общественного мнения и гласности, она была оружием запуганных и бесправных правдоискателей и, вместе с тем, кинжалом злобных клеветников. К сожалению, анонимки редко всплывают на поверхность истории, и об их содержании и стиле знают только анонимщики, да еще те, к кому анонимщики апеллируют. И те, и другие, хотя и по разным мотивам, но одинаково стараются такого рода произведения не разглашать, а на определенном этапе – первые раньше, вторые позже – и уничтожать.

Мы, однако, предоставляем читателю и последующим поколениям уникальную возможность познакомиться с подлинной анонимкой второй половины XX века, сохраняя всю ее первозданную, истинно "народную" логическую и стилистическую прелесть. Представляемая здесь анонимка адресована начальнику главного управления кадров и учёбных заведений (ГУКУЗ) Министерства связи СССР и в Ленинградский обком партии. Она исполнена на подлинном бланке ЛЭИС, что ниже и

воспроизводится.

CCCP

Министерство связи Ленинградский Электротехнический Институт Связи им. проф. М.А.Бонч-Бруевича 191065, г.Ленинград, Д-65 наб.р.Мойки, дом 61

Р/сч 19051110056 в Куйбышевском отделении Госбанка г. Ленинграда. Телеграф 121324 "Морена"

Начальнику ГУКУЗ тов. Бутенко В.П. Копия: Партконтроль, Смольный

Считаем нужным довести до Вашего сведения, что происходит в головном институте отрасли. Дело "так называемых шестнадцати", в котором оказались замешаны руководители института члены КПСС, которые учили сотрудников жить и работать, и до сих пор продолжают это делать, так как в итоге они отделались легким испугом.

Дело было так: нач. НИЧ Карпов, его зам. Петров, секр. ВЛКСМ института Воробьев, гл.инж. Селянинов, гл.инж. ЭПМ Черне, гл.энерг. Корчагин, некий Окунев, который только что защитил докторскую диссертацию и она находится в ВАК на утверждении, и прочие.

Уже несколько лет, используя свое служебное положение, сами себе писали и подписывали справки, которые заверялись гербовой печатью института, о том, что они якобы преподаватели и имеют право на двухмесячный отпуск, во время которого они якобы работали летом в СМУ на строительстве. На самом же деле они и не думали работать, а деньги получали и немалые! Отпуск использовали для отдыха.

Ректор решил отделаться полумерами (гербовую печать на справки ставила его секретарша). Заседал партком и решили им объявить выговоры и даже без занесения в личные дела хотя их всех надо было бы уволить, если бы вопрос решался в духе XXVI съезда партии.

А получилось, что прав тот, у кого больше прав! И никакой справедливости нет и не будет.

Просим Вас разобраться в этом вопросе.

Читатель не может не обратить внимания на великолепную философскую концовку анонимки в стиле Экклезиаста: "Прав тот, у кого больше прав! И никакой справедливости нет и не будет!" Правда, глубокая патетика этой сентенции, достойной лучших страниц Библии, снижается заключительной вполне обывательской просьбой: "Просим разобраться в этом вопросе", из которой следует, что анонимщик на самом-то деле все же рассчитывает на торжество справедливости в духехе XXVI съезда партии.

Что касается героев нашей повести, то они все больше опасались, что "в духе XXVI съезда партии" их все же посадят. Да,такая возможость не исключалась, а если посмотреть на дело ретроспективно, то была вполне реальна!

К этому были серьезные основания!

Я повстречал Российскую Фемиду. Она смеялась искренне вполне. Смеялась откровенно, не для вида, А ей бы, дуре, плакать обо мне. А ей бы, шелудивой, изрыдаться, Роняя слезы цвета кумача. Но разве может этакое статься. Когда Фемида – дочка палача.

Хотя первая попытка выявить изготовителя справок – лихой кавалерийский наскок Куликовского – не дала результата, сами-то справки продолжали лежать в сейфе СМУ. А ведь Юрий Петрович, к счастью, еще не знал всей документальной картины. Что, где, сколько, когда и как? Если же всё раскрутить по совокупности, отыскать свидетелей, поприжать их, и выявить единственное лицо, то – вот вам и кандидат на отсидку по статье 175 УК РСФСР до 3-х лет, кандидат вполне реальный, несмотря на всю абсурдность этого и полное отсутствие преступления (и даже мотивов оного) с точки зрения нормальной человеческой логики. Это во-первых!

А во-вторых, четверо-то из шестнадцати не работади, а зарплату получили и в общий котел сдали, а подпись их в ведомости стоит, что квалифицируется по уоловному кодексу РСФСРТ как хищение соцсобственности не кем иным, как бригадиром, "вступившим в преступный сговор с группой подставных лиц", — вот вам и второй кандидат на отсидку. И никакие витиеватые доказательства невиновности и бескорыстия типа КТУ (коэффициенты трудового участия) тут не помогут.

Утешение при этом может быть только одно: раньше сядешь – раньше выйдешь!

А если замеры фактически выполненных в Старой Руссе работ покажут приписки? Тогда вся компания во главе с руководством СМУ-1 быстренько схлопочет от самого гуманного суда всех времен и народов от трех до восьми общего (а возможно и строгого) режима (т.е. в переводе на старославянский — каторжных работ) с конфискацией имущества по статье 193 часть 2 УК РСФСР за преступный сговор и хищение в особо крупных размерах.

Кстати, ненадуманную возможность такого исхода впечатляюще демонстрируют многочисленные процессы и дела шабашников (как правило, с крайне печальными и жестокими исходами), мутной волной катившиеся по земле нашей аж до самого до 1986 года, когда подули обратные ветры.

Здесь невольно вспоминается отзыв о работе наших шабашников старорусского горисполкома. Возможность сосуществования этого правдивого отзыва о работе с уголовным преследованием за ту же работу – поразительный факт!

В разбитом зеркале судьбы Кривое видя отраженье, Я сколы, трещины беды Считал безумства наважденьем. Мне жизнь корежила судьба И корчила смешные рожи. А за спиной стоял судья, Лицом на палача похожий.

Между тем, Куликовский обострял ситуацию. – Или вы, или я! – поставил он точки над "и"!

Обычно так ставит вопрос тот, кто уверен в своей победе. И он был уверен! С садистским упорством не уставал снова и снова требовать выдачи "автора справок".

– Думайте, думайте – говорил Юрий Петрович – если никто из вас справки не делал, как же они вообще появились?! Ищите ответ, дайте мне правдоподобную версию или назовите одного!

Сам-то думал, что уже нашел жертву. Сам ли нашел или кто шептанул? Мол, кроме Людмилы Куликовой к печатям доступ имела Нина Виноградова — секретарь проректора по научной работе, а через нее, скорее всего, действовал зам.нач. НИЧ, член парткома, шабашник Вячеслав Петров, он же — «Поручик», и, вероятно, он же — "некий Сидоров" — тут шерлокхолмовский дедуктивный метод не позволял Куликовскому рассеять всю мглу.

Петрова и Виноградову уволить – и делу конец! Однако Юрий Петрович считал недостаточным добыть сведения, бригадой отрицаемые. Желал, чтобы пятнадцать коллегиально назвали шестнадцатого, а тот, к тому же, сам повинился. Тогда полная победа! И в райком можно доложить! Одного уволить и посадить, остальных за горло взять!

И вот – развернула буйство "куликовщина"!

Из показаний Владимира Селянинова:

«Поручик — основное звено в мысленной цепочке ЮП в связи с возможностью взаимодействия со стороны HИ.

К печати подход не только от ЛИ, которую он терзал вопросами, но и от НИ, а она ему не в угоду. Два зайца одним выстрелом – не плохо.

Остальных серьезно не брал в расчет, но не скидывал со счета. Вызывая по одному для беседы, плел одну веревку. Дайте ЕГО. На этом все практически закончится!

Его методы работы с 16-тью.

BBA сразу все изложил. К документам отношения не имеет, не должен иметь, но для стрелочника годится. Отложен в сторону.

ЮБО – далек от деяний, однако для давления на психику остальных защитой и материалами *ВАКа* весьма подходит.

ОВВ – аналогичный козырь, т.к. должен защищаться.

Одного он обещает всем утопить в ВАКе, другого – в Совете.

После неудач частных бесед перешел к коллективным действиям. Вызвал на ректорат всю Компанию, пугал приказом на увольнение ВВА. Мы просили время разобраться – нам нужно было потянуть для решения с ЛЯПом.

Ежедневно в помещении СВК проводились планерки команды, в составе укороченном: ЮВА, ННК, ЕЯД, ВВА, ВВС, МЯЛ, БМЧ. Основная цель: откуда справки? Вывести дело на приемлемую версию. Варианты:

- дал бывший (кого уже нет) работник *OK*; снят, т.к. год выпуска справок был после увольнения возможной кандидатуры;
- одни брали справки в отделе кадров на отпуск в один месяц, как и было, другие вообще не брали;
- как они были подменены в CMУ и кем не известно; никто не знает, не видел, не слышал, не предполагает.

Последняя версия исполнена в действиях. Против только ННК, но принял.»

Итак: справок никто из шестнадцати в глаза не видел, работники СМУ-1 утверждают, что кто-то их принес, но кто – не помнят!

Что сделал бы в такой ситуации Шерлок Холмс? Пригласил бы доктора Ватсона, сел в кресло, закурил трубку и начал думать! Юрий Петрович позвонил прокурору – мол, так и так, подделали справки, оттиск гербовой печати, нельзя ли учинить следствие по линии прокуратуры, назначить следователя, снять отпечатки пальцев, сличить, установить, арестовать... Прокурор выслушал этот БСК и отказал – мелочь, масштаба и состава преступления нет; если было хищение – пусть займется ОБХСС.

И ОБХСС занялось, но, естественно, не справками, а хищением.

Тут был маленький успех Куликовского, но очень незначительный успех, потому что занялось этим ОБХСС очень вяло и до конца, т.е. до посадки в исправительнотрудовую колонию общего режима с конфискацией имущества, дело не довело.

К этому вопросу — о действиях и бездействиях ОБХСС мы еще вернемся в следующем разделе. А здесь не будем отвлекаться от образа главного героя — Юрия Петровича Куликовского, все помыслы которого сосредоточились на защите своей чести, которая, будучи первоначально абсолютно чистой, как белое поле незаполненного институтского бланка, внезапно подверглась наглому поруганию путем незаконного заполнения этого бланка преступным текстом и грязноватым оттиском гербовой печати.

Запугивания и угрозы увольнения не помогли, нужны были новые, более сильные средства для того, чтобы расколоть компанию шабашников и заставить выдать автора-изготовителя справок.

В качестве одного из сильнодействующих средств Юрий Петрович избрал шантаж. Наиболее подходящими для шантажа объектами были Олег Воробьев и Юрий Окунев. Первый собирался защищать кандидатскую диссертацию, что напрямую зависело от Куликовского, второй только что защитил докторскую диссертацию, но не был утвержден в ВАКе, что делало его крайне беззащитным и уязвимым. Итак, объекты

шантажа превосходные. Цель шантажа – заставить Воробьева и Окунева расколоться и вынудить всю компанию публично сдать позиции по справкам.

Из показаний Олега Воробьева:

«Некоторые штрихи к знаменитому Делу 16-ти. К концу 1981 года я успешно завершал свою 4-х летнюю работу в комитете ВЛКСМ института. Отчетновыборная конференция прошла 22 ноября. На ней был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ, подарками. Летом, по представлению Куликовского Ю.П. был награжден медалью "За трудовую доблесть". Прощаясь со мной, Ю.П. на сцене обнялся со мной. Планировалось, что сразу же после конференции я начну работать на кафедре радиопередатчиков старшим преподавателем. 26 октября 1981 года Совет факультета РС и РВ единогласно проголосовал за мое избрание по конкурсу на вакантную должность старшего преподавателя этой кафедры. В ноябре 1981 года Ученый совет (председатель Ю.П.) рассмотрел мою диссертацию и принял к защите. Были утверждены оппоненты и назначен ориентировочный срок защиты — январьфевраль 1982 года!

Таким образом, в тот памятный день 3 декабря я— обычный советский безработный, но с большими амбициями (без пяти минут преподаватель и к.т.н.), имел весьма хорошее настроение и относительно высокую температуру (воспаление легких).

На следующее утро около 10.00 (я только что проснулся) меня позвали к телефону. Этот разговор помню хорошо. Сначала Людмила Куликова каким-то несвоим голосом сказала мне, что со мной будет разговаривать Ю.П. Через долю секунды из трубки послышался голос Ю.П. Он стал в крайне резкой форме допрашивать меня о том, сколько денег получил я за работу летом, какой зароботок имели все мои товарищи. Я был ошарашен таким допросом. Я не знал ситуации в институте, не имел никакой информации о беседах ребят с Ю.П. и, естественно, не мог понять причины хамского разговора со мной. Ю.П. был страшно недоволен результатами разговора со мной и в заключение сказал, что я еще пожалею о своей неискренности, что я не понимаю, в какую ситуацию я попал.

Личная встреча с Ю.П. состоялась 9.12.81. До этого дня я находился дома и знал о событиях, которые разворачивались в институте, только по телефону. 9.12.81 я пошел на прием к Ю.П. для того, чтобы подписать документы для защиты диссертации, в частности, список рассылки реферата. По своей наивности я считал, что "маленькая заморочка" не может отразиться на диссертации. Встреча состоялась в приемной в присутствии проректора Крыжина В.И. Ю.П., входя в приемную, спросил меня, не хочу ли я сказать ему что-либо новое по существу дела. Когда же он услышал о причине моего появления, то побагровел и прорычал буквально следующее: "Ваш моральный облик не соответствует высокому званию советского ученого. Вы никогда, подчеркиваю, никогда не защитите диссертацию". Этот разговор состоялся 9.12.81. Ровно через год, 9.12.82, я защитил диссертацию на заседании Совета — (председатель Ю.П.).»

Шантаж Олега Воробьева был, если можно так выразиться, "естественным"; его идея пришла на ум Юрию Петровичу сама собой, в ходе естественного развития событий: появление Олега, его просьба подписать документы и т.д. Кроме того, этот шантаж был ограниченным, т.к. за Олегом (и это прекрасно понимал Ю.П.) стояли силы, с которыми нельзя было не считаться.

Иначе обстояло дело с Юрием Окуневым. В этом случае шантаж был тщательно

продуман; он сулил богатые результаты вследствие полной незащищенности объекта шантажа. Сеть шантажа была заброшена небрежно, как бы между делом, с осознанием и упоением возможностью предпринять более весомые акции, если рыбка поведет себя плохо. Предоставим слово свидетелям.

Из показаний Людмилы Куликовой:

«Раздался телефонный звонок прямой связи с ректором, и я получила страшное указание поьвонить IO.E. Окуневу и передать ему, что ректор собирается отозвать из BAKa его докторскую диссертацию, недавно защищенную и направленную в BAK для утверждения, за аморальное поведение.»

Как видим, в данном случае грубый шантаж неприкрыто выставлялся на всеобщее обозрение.

Из показаний Юрия Окунева:

«По Делу 16-ти я встречался с Ю.П. Куликовским несколько раз, в том числе два раза тэт-а-тэт у него в кабинете, причем оба раза по его инициативе и при большом нежелании с моей стороны. Нужно сказать, что мне удалось избежать участия в первой общей встрече бригады с ректором — я только что вернулся из командировки и формально мог не знать о вызове, хотя на самом деле знал о нем. Мне тогда казалось, что чем меньше людей у него будет, чем меньше нам самим придавать этому делу значения, тем легче Юрию Петровичу принять разумные решения и все уладить. Своей неявкой я как бы давал ему возможность поменьше этим делом заниматься и поскорее с ним покончить.

Вскоре я, однако, понял, что у Юрия Петровича другие цели и представления, и что занятая мною позиция оказалась страусиной. Последовал персональный вызов, и вот я в большом, хорошо знакомом мне со времен Константина Хрисанфовича Муравьева кабинете. (Невольно думаю о том, как бы Муравьев решал Дело Шестнадцати? Полагаю, что не было бы таких матерных выражений, каких бы он не употребил по этому поводу и не излил на головы виновников. Однако, в райком и министерство звонить бы не стал!).

Я, честно говоря, плохо помню свой первый разговор с Ю.П., но некоторые детали запомнились. Юрий Петрович начал разговор вежливо, но с некоторой иронично-снисходительной ухмылочкой: мол, как это вы, Юрий Борисович, без пяти минут доктор наук, связались с такой компанией? (Как бы отделял меня и ставил в привилегированное положение). Содержание и форма вопроса были для меня неприемлемы; я больше всего опасался, что именно так сложится разговор, и он так и сложился. Пришлось ответить, что "компания" — это мои товарищи, и я бы не хотел говорить о них в таком тоне. Это предопределило дальнейший тон беседы — неискренний и недоброжелательный с обеих сторон. Справки — ничего не знаю, первый раз слышу; заработок — мое личное дело и т.д. и т.п. Думаю, что разговор был, на самом деле, унизительным и для меня, и для него. По-видимому, неосознанное ощущение этого привело Юрия Петровича впоследствии к мысли о том, что я ему якобы угрожал. Чем я мог угрожать ректору?

То, что эта беседа будет иметь для меня негативные последствия, я понял сразу, но только через пару дней мне передали, что ректор обвиняет меня в угрозах в его адрес. Володя Селянинов подтвердил это: на заседании ректората и в парткоме Куликовский вещал, что «ЮБО рекомендовал ему замять это дело и даже угрожал,

что в противном случае, пеняйте, мол, на себя». Вот таким «герцогом мира» оказался наш ректор, что в переводе на английский звучит вполне по русски— "peace-duke"

А затем — звонок Людмилы Куликовой с предупреждением о готовящемся отзыве диссертации из ВАКа! Что делать? Ведь этот «герцог мира» ждет, что я прибегу и буду просить, умолять не делать этого. Буду заверять, что это (ЧТО ЭТО?) не повторится, что готов на все... и даже знаю, кто делал липовые справки.

Через день новый звонок Людмилы Куликовой, очень взволнованный:

- Юрий Борисович, ректор продиктовал мне письмо в ВАК. Вашу диссертацию он отзывает в связи с аморальным поступком.
 - Что же я могу сделать, пусть отзывает.
 - Он может действительно отправить такое письмо, делайте что-нибудь!

Состояние у меня после этого разговора было скверное, болела голова — вероятно, опять подскочило давление. Какой подонок! Ведь знает, что первую докторскую мне в ВАКе зарубили десять лет назад, что потом были годы тяжелой работы над второй, блестящая защита — сам выступал резко положительно... Конечно, я понимал — в ВАКе, скорее всего, и без Куликовского зарубят мою работу — слишком много ненависти против меня накопилось, но таким нелепым образом, без борьбы! За аморалку!... Хорошо представлял себе довольные морды ВАКовских юдофобов, когда получат письмо об аморалке: ясное дело — уезжает в Израйль!

Я принял решение — писать заявление одновременно в партком и Ученый совет. Текст заявления сложился почти сразу, почти без черновиков, как один вдох и один выдох. Прочитал его вечером дома, потом утром показал Лъву Моисеевичу Гольденбергу у него в кабинете — все согласны, что иного выхода нет. Потом пошел к Сереже Корчагину, где уже собрались почти все наши. Посмотрели мой текст, возражений и других вариантов не было. Женя Дурец тут же напечатал его в трех экземплярах.

Смотрю сейчас равнодушно на чудом сохранившуюся копию этого документа — два десятка строк через фиолетовую копирку, слово "Заявление" — вкривь и вкось. Сколько здоровья, эмоций и нервных невосстанавливаемых клеток было тогда вложено в эти строчки. Может быть, зря это все было, может быть, не следовало этого писать, — может быть, нужно было спокойно дождался отзыва диссертации из ВАКа, оставить нелепую борьбу с этим нелепым учреждением и постараться тихо уехать в Израиль на радость всей шихинтихоновской шайке?»

Секретарю Парткома ЛЭИС доц. О.С. Когновицкому Ученому секретарю Ученого Совета ЛЭИС проф. А.Д. Артыму

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу довести до сведения членов Парткома и членов Ученого Совета следующее мое заявление.

Ректор института Ю.П. Куликовский обвинил меня на заседании Ректората, а затем на заседании Парткома в том, что я якобы угрожал ему чем-то в связи с разбирательством участия бригады сотрудников ЛЭИС в строительных работах этого года. Хотя абсурдность такого обвинения очевидна всем, кто меня знает, я хочу сообщить членам парткома официально, что это неправда.

Далее Юрий Петрович заявил о своем намерении добиться отклонения в ВАКе моей докторской диссертации, защищенной в этом году на Ученом Совете ЛЭИС. Эта угроза перечеркнуть результаты моей многолетней работы в институте вызывает чувство горечи.

Мое участие в работе бригады сотрудников ЛЭИС, и все что связано с этим участием, не дает никаких оснований для вышеуказанных действий и обвинений. Действительно, весь свой очередной отпуск, включая все субботы и воскресенья, я работал на строительстве телефонной сети г. Старая Русса в качестве трубоукладчика. Я получил зарплату за честный (и добавлю, тяжелый) труд, как и все мои товарищи.

Мне нечего стыдиться и нечего скрывать.

Я отклоняю все необоснованные обвинения в мой адрес по этому поводу.

Ю.Б. Окунев (подпись) 9 декабря 1981 года

«Это заявление я сразу же отнес по адресам. В парткоме никого не было, и я оставил его секретарю с просьбой передать Когновицкому. Затем нашел профессора Артыма. Анатолий Дмитриевич весьма переполошился — как же это он доведет заявление до членов Совета?! А если Юрий Петрович будет возражать? Я сказал, что прошу его лично зачитать это заявление на ближайшем заседании Совета, что в противном случае буду вынужден жаловаться в Министерство. Анатолий Дмитриевич неопределенно обещал мне... что-либо предпринять... По-видимому, он сразу доложил все это шефу.

Не знаю, как развивались события по линии парткома, но уже на следующий день со мной говорил по этому вопросу член парткома В.Е. Джакогия. Владимир Ермильевич настоятельно рекомендовал мне забрать заявление и одновременно идти просить Юрия Петровича не отзывать диссертацию. Я отказался. Тогда Владимир Ермильевич дал мне понять, что дело улажено на следующих основаниях:

- 1) Ю.Б. Окунев забирает заявление.
- 2) Ю.П. Куликовский прекращает какую-либо деятельность по отзыву диссертации Окунева из ВАКа.

При этом, однако, Ю.П. желает, чтобы Ю.Б. зашел к нему и чтобы благодаря этому считалось, что он, Ю.П., ни в коей мере не боится никаких заявлений Ю.Б., а лишь идет навстречу покаянной просьбе последнего. Я согласился с решением из двух пунктов, но сказал, что пойду к Ю.П. только в том случае, если он меня вызовет — в противном случае я должен быть просителем, а мне на самом деле нечего просить.

Помню, что затем в течение суток шла торговля— попрошу ли я аудиенции или Ю.П. вызовет меня через секретаря. Владимир Ермильевич ходил к Юрию Петровичу, меня, в конце концов, вызвали, и вот я снова в кабинете ректора.

Разговор был натянутым с явными элементами кафкианского абсурда и преодолеть его неественность не удалось.

Юрий Петрович начал с того, что ему, мол, тоже нелегко. Многие считают – продолжал Юрий Петрович – что он спит с Людмилой Куликовой, а поскольку она явно замешана в Деле 16-ти, то всякая нерешительность с его стороны в этом деле рассматривается многими, как попытка это дело замять. Я слушал все это, едва веря своим ушам – зачем он мне все это рассказывает?.

Затем Юрий Петрович начал мне объяснять, что он запросто может отозвать мою диссертацию из ВАКа, ссылался на свои полномочия Председателя Совета, называл пункты инструкции, однако не грозил, а просто так объяснял, что к чему; что вообще-то никто ему в этом деле не указ, что ни совет, ни партком здесь ни при чем, что заявление мое ни к чему... И чем больше он говорил, тем яснее становилось, что отзыва диссертации из ВАКа не будет, что шантаж не удался, и он это понял...

Вот, собственно, и все, что из той встречи запомнилось.

Интересно, что впоследствии в 1982-83 годах я неоднократно встречался с Юрием

Петровичем, в том числе в его кабинете, и опять по поводу... моей диссертации, которую к тому времени густо обложили наемные убийцы из ВАКа. Был даже эпизод, когда в ВАК вызвали... нет — не меня и даже не нас двоих, а его одного, но по поводу моей диссертации...! И мы с Юрием Петровичем обсуждали, как бы отбиться, и он поехал в ВАК защищать мою диссертацию и честь своего Ученого Совета, но, к сожалению, не защитил ни того, ни другого. Впрочем, винить его в этом было бы несправедливо — ведь я сам тоже не сумел защититься. Юрия Петровича там в ВАКе журили за невзыскательность, а он вяло отнекивался, обещал, что учтет это на будущее, и, наверное, думал, что зря он тогда в декабре 81-го не отозвал эту работу по аморалке! Впрочем, и за это винить его может лишь тот, кто никогда не стоял перед волчьей сворой, у которой власть над тобой, никем не пересекаемая!

А в те дни декабря 1981 года я первый раз за время работы в ЛЭИС серьезно начал искать себе другую работу. Нет, я понимал, что уволить меня не смогут, но, как и у других наших, у меня накапливались отрицательные эмоции. Видеть ежедневно местное начальство становилось невыносимо. Вел переговоры с ВНИИРПА, и там мне обещали место начальника лаборатории.»

Исключим из показаний наших свидетелей лирику, возьмем голые факты, присоединим их к уже известному ранее и назовем вещи своими именами: Юрий Петрович Куликовский проявил себя в Деле 16-ти жестоким и непорядочным человеком. Он возгордился тем, что не пристали к нему поповско-интеллигентские доброта и милосердие, пытался добить споткнувшихся и раненых, как крепостник и наместник глумился над подчиненными.

Все эти методы и черты, отразившие феномен советского руководителя 70-х-начала 80-х годов, мы называем в честь нашего героя "куликовщиной"!

Нужно сказать, что даже для видавших виды и битых перебитых лэисовцев, переживших «мироновщину» — двухлетнее пребывание на высоком посту ректора жуликоватого проходимца от науки Виктора Миронова, возведенного в сан своим собутыльником из горкома партии, выходки Ю.П. Куликовского в Деле 16-ти были в диковинку. И здесь мы должны вернуться к вопросу, который поставили еще в предыдущем разделе повести — какими побуждениями руководствовался Юрий Петрович, каковы были мотивы его поведения, какие действовали на него вынуждающие силы?

Время в мое окно
Падает белым, зеленым струится,
Плещется синим и желтым сочится.
Тихо смеется, молчит, горько плачет.
Что это? Что это? Что это значит?
Значит,

значит,

значит,

значит,

значит,

Значит, что не может быть иначе. Значит, что не может быть иначе. Значит – это ничего не значит.

Может быть, предшествующим воспитанием в нем были заложены непорядочность и неинтеллигентность?

Пожалуй, нет! Его научная и педагогическая карьера складывалась в интеллигентной среде на кафедре телевидения старейшего вуза страны — ЛЭТИ, его учителем был известный профессор этого вуза зав. кафедрой телевидения Рыфтин Яков Александрович, который, между прочим, отзывался о своем ученике неплохо! Таким образом, как сказали бы врачи, ничего отягчающего в анамнезезе Юрия Петровича нет. Да и внешне он производил благопристойное впечатление — представительный, с хорошими манерами и правильной речью, ходил в театры, в оперу и даже, кажется, в филармонию.

Тогда, может быть, на него оказывали давление и требовали жестких решений вышестоящие органы, скажем, министерство или райком или горком? А может быть, трест Лентелефонстрой давил на психику и требовал жертв?

Ничего подобного!

В Лентелефонстрое после печального знаменитого запроса ничего против 16-ти не предпринимали; там испугались бурных телодвижений Юрия Петровича — не затянул бы с собой. Более того, начальник Лентелефонстроя — трус первостатейный (лишь бы до пенсии персональной досидеть!) — затеял в Старой Руссе замерять объемы выполненных работ исключительно с испугу. Он старался показать себя таким же "принципиальным" и "незапятнанным", как Ю.П. Куликовский.

В Министерстве связи ушлые чиновники больше всего боялись, что Юрий Петрович сдуру наломает дров, вследствие чего Министерство, и без того печально знаменитое и "притча во языцех", снова прогремит скандально по всему Союзу. Поэтому уж никак не поощряли его на развитие скандала, а тем более, не приказывали действовать так. Кстати, поведение Ю.П. в Деле 16-ти, как впоследствии оказалось, способствовало его изгнанию тем же Министерством с ректорской должности в 1984 году, хотя официально ему это, конечно, не инкриминировалось.

Что касается райкома партии, то там были весьма обеспокоены составом бригады шабашников. Если бы только рядовые сотрудники и евреи – куда ни шло! Но ведь в бригаде руководящее звено, а главное – три члена парткома института: Виктор Ананишнов (он же "Бугор" – то бишь бригадир шабашников!), Олег Воробьев (он же "Сынок" – подставное лицо в бригаде шабашников!), Вячеслав Петров (он же "Поручик", он же, по слухам, "некий Сидоров"!). Тут уж райкому от ответственности не уйти, ведь эти люди – его номенклатура! Куда глядели? Где подбор и расстановка партийных кадров? Члены парткома, коммунисты, евреи, шабашники – все смешалось

в доме...

Таким образом, в райкоме компартии отнюдь не заставляли Куликовского раздувать дело, а скорее наоборот... Вообще нужно сказать, что в партийных органах к "куликовщине" отнеслись со сдержанным пессимизмом. Достоверно известно, например, следующее: зав. отделом науки горкома партии тов. А. Михайлушкин на запрос одного из заинтересованных лиц об отношении горкома к Делу 16-ти ответил, что вмешиваться в это дело не собирается и другим не советует.

Итак, по всему получается, что и здесь Юрию Петровичу оправдания нет. Никто конкретно не заставлял его топором размахивать, никто на хамство не толкал. Все, кто поумней, за свои теплые места и пайки держались и рассудили, что из этого "дела" кроме неприятностей ничего не выйдет. Никто, кто поумней, пайке шабашнической не позавидовал.

Так почему же?

Полагаем, на этот вопрос ответить невозможно, если не уяснить предварительно, что "куликовщина" — феномен не столько личностный, сколько общественный, если не понять, что "куликовщина" — феномен руководителя, которого никто не избирал (в смысле демократических выборов!), но которого выдернули откуда-нибудь по неизвестному алгоритму в номенклатуру горкома, а затем посадили наместником своим и велели руководить, погрозив вслед перстом указующим. И вот получается так, что, с одной стороны, наместник — большая фигура, от масс независимая и на массы плевать желающая, но, с другой стороны, он же — червь навозный, которого в райкоме, а того более в горкоме, как посадили, так и раздавить запросто могут. Страх, паническая боязнь начальственного окрика движет наместником. Вот и делает такой руководитель то, что верхнему начальству понравится, а не то, что нижнему народу нужно. Иногда, правда, ошибается — и летит вниз! Такова суть и подоплека "куликовщины".

Теперь поведение Юрия Петровича Куликовского приобретает некоторую логическую обоснованность, а его путь к фиаско выстраивается в строгую последовательность взаимосвязанных деяний и ошибок.

Все началось с того, что Ю.П. неправильно оценил, а вернее переоценил степень криминала в Деле 16-ти. Он посчитал с недалекостью, не вникнув в дело, а главное, не всмотревшись в его участников, посчитал, что тут пахнет жареным и что, безусловно, дело это и без него раскрутят.

Из этой посылки или допущения, оказавшегося ошибочным, вышел и обуял Юрия Петровича страх. Он представил себе грозный вид партийного начальства и удар кулаком по столу — недоглядел, доверился, допустил беспринципность, пытался замазать, замять, не оправдал доверия...

Ученики Иисуса Христа рассказывали, что, как это ни странно, проповедник смирения и доброты бесконечной считал наибольшим человеческим пороком трусость, ибо, говорил он, трусость не позволяет человеку делать добрые дела и проявлять милосердие, а толкает его на дела злые и Богу неугодные.

Струсив, Ю.П. быстро нашел, как ему представлялось, единственный выход: с самого начала занять самую резкую позицию по отношению к шабашникам, опередить всех в этом деле и не дать возможности обвинить себя в нерешительных действиях. При этом, правда, он терял неплохих работников, загонял их в угол, уничтожал, но тут как раз и срабатывали законы "куликовщины" — плевать на работников, лишь бы начальство не рассердилось!

Далее события развивались естественным образом (мы об этом уже писали и будем писать далее), постепенно выходя из-под контроля Ю.П. Он на определенном этапе, возможно, и хотел бы притормозить слегка, но это уже не всегда удавалось.

Построенная выше схема для объяснения того, что и почему натворил Ю.П., конечно, является лишь схемой. Мы намеренно исключили из нее личные человеческие качества Юрия Петровича, ибо считаем, что главным и определяющим были законы "куликовщины", которым следовали все (или почти все) руководители 70-х годов. И даже трусость, проявленная Юрием Петровичем, являлась обязательным атрибутом этого общественного феномена.

Беспристрастный читатель не может не заметить, что мы здесь как бы защищаем Куликовского, относя его неблаговидные, мягко выражаясь, поступки за счет системы, в которой он вынужден был работать. А защищая – как бы и прощаем! Но простит ли его – нет, не совесть, она молчала тогда, смолчит и теперь – простит ли высший судья, который "мысли и дела все знает наперед"!?

Не уплативших, уходя, свои долги Прощай! Не протянувших в трудный час друзьям руки Прощай! В любви сгоревших, захлебнувшихся в вине Прощай! И только тех, в чьих душах нет прощенья Не прощай!

Уставших слушать тишь, смотреть во тьму и ждать Прощай!
Упавших на колени, чтобы с них не встать, Прощай!
Всех тех, в ком нет любви, а значит — Бога нет, Прощай!
И только тех, в чьих душах нет прощенья Не прощай!

Мы, однако, слишком увлеклись образом главного героя нашего повествования, незаслуженно оставив в тени остальных важных героев.

Перейдем поскорее к ним.

ПУ-ДЖА-МИ-КА-ГАВ-ЩИНА

Солнце! Помоги не спечься! Помоги не стать лучиной, Нужной людям лишь во мраке! Помоги мне быть мужчиной В краткой жизни, долгой драке!

"Ай да Пушкин, ай да сукин сын!" – воскликнул без ложной скромности Александр Сергеевич, закончив рукопись "Бориса Годунова" и перечитав ее самому себе вслух.

И хотя эти слова можно целиком и полностью отнести к Валерию Михайловичу Пушкину — председателю комиссии парткома ЛЭИС по расследованию Дела 16-ти, было бы несправедливо назвать данный раздел нашего исторического исследования "пушкиновщина" или того пуще "пушкиниана". Действительно, при этом были бы

принижены заслуги и ущемлены права других членов комиссии парткома, из фамилий которых наряду с фамилией председателя и составлен вынесенный в заголовок термин: Валерий Пушкин, Владимир Джакония, Валентина Михайлюк, Виктор Караванов и Лев Гаврилов. Этот термин отражает весьма значительное явление жизни советского общества 70-х годов XX века, не менее значительное, чем «куликовщина». Так же, как "куликовщина" значительно шире и опаснее, чем-то, что конкретно явлено самим Ю.П. Куликовским, так и «пуджамикагавщина» лэисовская — лишь мелкое отражение обозначенных этим словом теории и практики тотального вмешательства в жизнь, в том числе личную, от имени партии, которая всегда права. Тут и партийность литературы и искусства, тут и партийное мнение и контроль, тут даже совесть и порядочность партийные, по-видимому, отличные от обычных людских — все навязанное сверху вождем мудрым.

Сколько душили глас, Вешали, распинали, Но даже в судный час Люди свободу ждали.

Комиссия парткома была создана по настоянию Юрия Петровича 9 декабря 1981 года, чтобы сделать то, чего не сумел сделать он сам: выяснить преступную технологию изготовления поддельных справок и другие криминальные моменты дела, установить причастность к ним каждого из 16-ти, подготовить партийное мнение по раздаче наказаний. Вот как это все формулируется в подлиннике документа, которым мы распологаем.

ВЫПИСКА

из протокола № 41 заседания партийного комитета ЛЭИС им. проф. М.А. Бонч-Бруевича от 9 декабря 1981 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: (перечисляется состав парткома).

СЛУШАЛИ: о работе сотрудников института в июле-августе 1981г. в СМУ-1 треста "Лентелефонстрой".

Секретарь парткома: В институт поступила информация о том, что 16 сотрудников института, в том числе ряд коммунистов в июле-августе 1981 г. организовали бригаду и выполняли работы для СМУ-1 треста "Лентелефонстрой". Имели место серьезные нарушения трудового законодательства и финансовые нарушения. Предлагаю создать комиссию парткома для расследования вопроса в составе: (перечисляется состав комиссии).

ПОСТАНОВИЛИ: Создать комиссию по расследованию вопроса о работе бригады в СМУ-1 треста "Лентелефонстрой" в предложенном составе.

Принято единогласно.

Секретарь парткома О.С. Когновицкий

(подпись)

Этот лаконичный документ потрясает своей безапелляционной наглостью. Хотя комиссия еще только создается, но в выписке уже утверждается: "Имели место серьезные нарушения трудового законодательства и финансовые нарушения". Какие серьезные нарушения, позвольте спросить, были известны парткому в тот день? Никакие! Подтвердились ли в ходе работы комиссии, скажем, предполагаемые нарушения? Нет! Почему же секретарь парткома утверждает то, о чем ничего не знает?

Почему берет на себя функции судьи?

Две ладони, словно кони, Проскакали по челу В колокольном перезвоне, В перезвонном: Почему? Почему шальные кони Не пасутся на лугу? Почему они в загоне, Почему не убегут? Почему так рано лето Перекрасило листву? Почему на счастье вето — Не пойму я, почему?

Почему? А потому, что пуджамикагавщина позволяла все. Даже шабашники — члены парткома «голосовали» за создание комиссии, позволив тем самым развязать пуждамикагавщину. А каково это чекистское: «ряд коммунистов организовали бригаду...». Так и слышится: «организовали контрреволюционную организацию...» Не следовало ли парткому, бывшему по определению умом, честью и совестью института, проявив этот самый никем дотоле не обнаруженный ум, сказать честно и по совести, что, мол, коммунисты вкалывали неплохо и сделали кое-что полезное для социалистической родины. Так ведь установки такой не было, а пуджамикагавщина работает только в рамках установок сверху. А установка ректорская была — искать криминал!

Сколько душили глас, Вешали, распинали, Но даже в судный час Люди свободу ждали.

Их приучили петь Гимны, забыв про песни. Все стало всем не сметь. Всем – значит врозь и вместе.

Очевидный криминал был обнаружен глубокомысленным парткомом шабашники-коммунисты не заплатили партвзносы co своего шабашнического заработка. Трудно себе представить более нелепую и комичную картину, чем шабашник, явившийся в партком с тем, чтобы заплатить партвзносы со своего левого заработка - я тут, мол, подхалтурил вечерком, так вот хочу уплатить партвзносы с заработка. Или, например, так: я вчера автомобиль продал, взял сверху две тысячи – получите партвзносы! Совершенно в стиле старого анекдота из цикла «Армянское радио»: Должен ли коммунист платить партвзносы со взяток? – Если коммунист честный, то должен!

Сколько душили глас, Вешали, распинали, Но даже в судный час Люди свободу ждали.

Их приучили петь Гимны, забыв про песни. Все стало всем не сметь. Всем – значит врозь и вместе.

Вера черна от дыр, Лгать и лжецы устали. Всяк новый поводырь Светлые прочит дали.

Поскольку, однако, и Куликовский и созданная им комиссия понимали, что с этой неуплатой партийных взносов далеко не уедешь, а скорее в новый анекдот попадешь, то сыскная бригада вновь сосредоточилась на пресловутых справках.

Справки, кстати говоря, в то время доживали свои последние дни в сейфе СМУ-1 треста Лентелефонстрой, и шабашники с нетерпеним ждали их обещанного исчезновения. Тем не менее, пока они не исчезли, набив оскомину всем, включая нашего терпеливого читателя, естественно задать вопрос — кто же и как же их, в конце концов, сделал? И мы, претендуя на роль правдивых повествователей, не можем перед лицом уважаемого читателя, к тому же — шесть лет спустя, нести по этому вопросу полную ахинею и изливать, как тогда, потоки вранья.

На вопрос «Как же?» отвечаем: очень просто — взял некто 32 чистых институтских бланка (это у нас может сделать любой в любом количестве), попросил свою приятельницу заполнить их по образцу на каждого из 16-ти в двух экземплярах, затем пришел в приемную ректора, взял гербовую печать и на глазах у не очень изумленной Людмилы Куликовой 32 раза приложил печать к справкам. Вот и все! И чего здесь расследовать — не понятно.

Еще проще ответить на вопрос «Кто же этот некто?».

Здесь, однако, мы должны отметить одно обстоятельство, на наш взгляд, чрезвычайно важное и, в силу полной правдивости и откровенности нашего повествования, для утаивания совершенно невозможное: все, абсолютно все 16, абсолютно точно знали, кто делал справки, и, следовательно, все 16 врали ректору, комиссии парткома, а заодно и всем, кто вопрос «Кто?» задавал. Врали и при том – правильно, честно поступали, ибо каждый из них мог быть «некто Сидоровым», которого искал с фонарями и сворой псов из парткома Куликовский. Ибо, если «некто Сидоров» для всех справки сделал, то почему все должны валить на него общую вину.

Более того, по нашей оценке еще не менее 30 человек в институте и около него точно знали, кто сделал справки. То есть, никакого особо законспирированного секрета здесь отнюдь не было, и даже удивительно, как это нашим следователям-самоучкам не удалось его раскрыть. Впрочем, парткомовские доморощенные пинкертоны не сомневались, что по крайней мере некоторые из 16 прекрасно знают, кто клепал справки, поэтому занятая шабашниками глухая защита-несознанка вызывала у них не менее глухое раздражение, которое подчас прорывалось самым грубым образом.

Вот в такой обстановке и при таких обстоятельствах начались допросы в парткоме. Им предшествовало представление всеми шабашниками объяснительных записок — бюрократическое изобретение председателя комиссии доцента Пушкина. Затем всех членов бригады допрашивали поодиночке. Особому давлению подвергались шабашники — члены КПСС, «давили» на «совесть коммуниста», «партийную ответственность» и тому подобное...

Из показаний Владимира Селянинова:

«ЮП создает Пушковшину. Ряд членов комиссии работу игнорируют. Главарь интенсивно действует. Все представляем объяснительные записки. Членов партии вызывают по одному в комитет, опосля всех разом.

Члены комиссии: Караванов и Гаврилов присутствуют номинально, Михайлюк не лезет, Джакония хочет все знать, Пушкин действует — основное орало.»

Здесь, по-видимому, дана хотя и лаконичная, но довольно точная характеристика поведения членов комиссии. Впрочем, подход был сугубо индивидуальный – от вежливого и мягкого разговора до жесткого нажима и окрика.

Из показаний Михаила Лесмана:

«В парткоме со мной говорили трое — Пушкин, Джакония и Гаврилов. Говорили очень корректно и кратко. Я сказал, что ничего не знаю о справках. Более того, эти справки нужны были не нам, а СМУ. Поэтому не ясно, почему в институте так «уцепились» за эти бумажки, которые и документами не являются, ибо не дают никаких прав и не освобождают от обязанностей.

Через несколько дней Пушкин попросил меня зайти к нему (он был тогда проректором по вечернему и заочному обучению). Начал меня уговаривать, что в наших действиях есть криминал. Стал говорить — мол, нехорошо, что с нами был Окунев — начальник с подчиненными. Я возразил, что мы ездили работать, а не водку пить. Пить вместе с начальником плохо, а работать вместе хорошо. По-видимому, он твердо верит в то, что с начальником нельзя вместе и работать.»

Весьма мягко, можно сказать – бережно, опрашивали в парткоме (упаси господи – не допрашивали) Юру Окунева. Спросили о справках только формально – мол, ясно, что он не причастен к столь некрасивой истории. Зато попросили дать оценку этой истории, так сказать, с моральной точки зрения – мол, если и не знал ничего о справках, то теперь то узнал... Но все это деликатно, не повышая голоса, как бы обсуждая...

Не со всеми, однако, было так.

Коля Кутов вспоминает, что с ним разговаривали в жестко-требовательном тоне, настаивали указать, от кого он узнал о предстоящей шабашке, кто первым сообщил о дне оформления на работу в СМУ – явно искали главных организаторов, надеясь через них выйти на подделку справок. Коля строил в своих показаниях замкнутую цепочку шабашников, у которой нет начала. Тогда Пушкин предложил ему изложить все это письменно – Нет, не потом! Пишите здесь, в парткоме, никуда не выходите! – приказал он.

Юра Арзуманян рассказывает, что от него жестко потребовали назвать руководителей и организаторов шабашнической бригады, указать распределение ролей в бригаде. Профессор Джакония, повышая голос и чуть ли не срываясь в крике, не желал принимать уклончивые ответы:

«Не морочьте нам голову, мы знаем, что Ананишнов был бригадиром, а вы — завхозом. Вы, переподаватель, проводите свой отпуск в бригаде шабашников, оформленной по подложным справкам, и считаете возможным увиливать от прямого ответа парткому! Где ваша совесть советского человека?»

Воспоминания о работе комиссии парткома ЛЭИС невольно отвлекают нас от основной линии повествования к размышлениям о некоторых глубинных свойствах советско-партийной пуджамикагавщины.

Возникает, например, вопрос: а совместимо ли правосудие с партийностью? Ведь правосудие основано на законах, спроецированных на обвиняемого совестью и порядочностью независимого судьи. А если судья — член партии и обязан выполнять партийные установки? Мы, конечно, с негодованием отвергаем предположение, что член компартии может быть непорядочным или того пуще бесчестным. Но вот вам конкретная ситуация: вы — член КПСС и даже парткома; вы, предположим, убеждены в невиновности "подследственных" и считаете непорядочным участвовать в их допросах, однако вас выдвигают в комиссию по расследованию и обязуют допрапрашивать. Что же делаете вы? Отказываетесь? Но есть решение парткома, обязательное для вас, даже если вы голосовали против! Значит, либо порядочность, либо партийность — такова ваша лилемма?!

"Нет — возражаете вы — можно оставаться честным и порядочным, выполняя партийное поручение, с которым лично не согласен!" Да, вероятно так же успокаивал себя маршал Блюхер, подписывая расстрел своему товарищу маршалу Тухачевскому, в невиновности которого он был, конечно же, уверен.

А мы, скажем: вероятно, можно было бы остаться порядочным в означенной выше ситуации, да пуджамикагавщина очень препятствовала этому. Вот, например, профессор В.Е. Джакония — человек умный, интеллигентный и, безусловно, порядочный. Однако, как член парткома, вынужден был участвовать в допросах 16-ти. А ведь как не хотелось видеть его в этой роли! А он был вынужден участвовать и даже активничал, и даже срывался, и даже вел себя непристойно — пуджамикагавщина заставляла! Не верите? Тогда послушайте, что рассказывает свидетель, и сами сделайте выводы, ибо после прочтения нижеследующего, как говорят, комментарии будут

излишними. Свидетель разворачивает перед нами одну из потрясающих сцен спектакля пуджамикагавщины.

<u>Из показаний Евгения Дурца:</u>

«Сцена разделена на две неравные части. В первой половине – приемная парткома, где за длинным столом сидит Моисей Берсон. Голова его в беспорядке. Под стеклами очков бегающие в недоумении глаза. Борода всклокочена. Руки нервно перебирают какие-то бумажки. За пишущей машинкой — секретарша. Ушки топориком. Она делает вид, что полностью занята очень важной работой. На второй половине (меньшей) — кабинет секретаря. За столом Пушкин — председатель комиссии по расследованию деятельности банды. Рядом с ним по правую руку Джакония. В углу с посторонними лицами, как будто это их не касается, сидят Гаврилов и Караванов. Перед председателем — Ананишнов. Он размахивает руками и что-то говорит.

Дверь в партком открывается, входит Дурец:

– Здорово, Мотя! Ну, что там? Кого пытают?

Мотя с вымученной улыбкой на лице:

– Бугра! Хи-хи-хи.

Открывается дверь в кабинет секретаря. Выскакивает слегка ошарашенный Виктор Ананишнов:

- Дурец на ковер!
- Ну, что там, Витек?
- Ну, бля, вообще!

Приоткрывается дверь. Выглядывает улыбающийся Караванов:

– Женя, входи!

Дурец входит во второе помещение:

Здравствуйте!

Общее молчание. Пауза. Пушкин заглядывает в бумажки:

- Евгений Янкелевич, садитесь. В принципе, нам все ясно, но хотелось бы услышать от вас именно вашу версию подделки справок. Что вы можете сказать?
- По поводу подделок справок ничего нового сказать вам, к сожалению, не могу.

Джакония мрачнеет, начинает нервно стучать пальцами по столу. Гаврилов, потупившись, скромно улыбается. Караванов, улыбнувшись, отворачивается к окну. Пушкин:

- Хорошо, но вы брали справку об отпуске?
- Конечно! Я такую справку беру каждое лето.

Джакония:

- Кто Вам выдавал справку?
- Девочки в отделе кадров.

Джакония, переходя на крик:

- Ну и что там было написано?
- Как обычно: " Е.Я. Дурец, старший инженер каф. РТС, находится в отпуске с такого-то по такое-то число».

Джакония, закипая:

- Ну и куда вы дели эту справку?
- Отдал начальнику отдела кадров в СМУ.

Джакония:

– Ну и кто же подменил справки?

– *Ну, я считаю, что это гораздо удобнее выяснить у начальника отдела кадров СМУ.*

Пушкин:

- Вы сказали, что, каждое лето берете справку. Это так? И куда же Вы ездили?
- Маршруты поездок были совершенно разные. Был несколько раз в КОМИ, в Кандалакше, на БАМе.

Джакония, заводясь:

- И каждый раз вы пользовались подложными справками?!
- Чушь какая-то.

Пушкин:

- Когда вы вернулись из отпуска?
- Об этом вы можете узнать в нашем отделе кадров. Заявление о выходе на работу, подписанное рук. лаборатории, должно быть там.

Пушкин:

- -A вы не задержались на несколько дней?
- Вы знаете, нет. Вышел на работу вовремя.

Джакония, весь трясясь и постепенно переходя на утверждающий крик:

– А как же вы объясните, что по справке из СМУ вы закончили работу в самом конце августа, в то время как вы говорите, что были на рабочем месте? Они все время бессовестно лгут. Преступники, лгуны, жулики!

Дурец:

– Я выезжал в Старую Руссу в пятницу после работы на субботу и воскресенье. Кажется, такие операции производились 2 или 3 раза с целью завершения работ. Так ездили почти все, у кого кончились отпуска.

Джакония:

- A подставные лица! Что скажете об этом?
- Подставных не было. Те, кто не смогли поехать с нами из-за работы в институте, приезжали потом только на выходные дни, и при окончательном расчете учитывались только их рабочие дни. Так что ни о каких подставных лицах не может быть и речи.

Джакония:

- Вы все жулики, вор на воре, мы вас всех выведем на чистую воду, передадим дело в следственные органы, они вас всех быстро разоблачат. Бессовестные люди, нагло врут, не улыбаясь, одно и то же. Валерий Михайлович! Это самая настоящая банда, которой не место не только в институте, но и... Я считаю, что надо гнать таких, гнать и судить..., чтобы не повадно было. Наглецы...
- Ну, я думаю, что в подобном тоне дальнейшая наша беседа не имеет смысла. Валерий Михайлович, если у вас больше нет конкретных вопросов, я, пожалуй, пойду.

Пушкин:

– Пожалуйста, пригласите Берсона.

Женя Дурец выходит в приемную.

- Женька, ну, что там?
- Маразм ... Заходи, твоя очередь. Я тебя подожду в коридоре».

Мы обещали воздержаться от комментариев этого показания, тем белое, что оно и

так довольно пространное. Однако нельзя не заметить, что документ-то потрясающий: в помещении парткома обзывают бандой, ворами, жуликами тех, кто зарабатывал тяжким трудом в свой отпуск. Одним словом – пуджамикагавщина!

Сколько душили глас, Вешали, распинали, Но даже в судный час Люди свободу ждали.

Их приучили петь Гимны, забыв про песни. Все стало всем не сметь. Всем — значит врозь и вместе.

Вера черна от дыр, Лгать и лжецы устали. Всяк новый поводырь Светлые прочит дали.

Значит ступать слепым, Верящим им – убогим, В собственные следы, «Новой» идя дорогой.

Так вот и шла работа комиссии парткома, бессмысленная работа, а потому и не работа, а ерунда какая-то. Результатов, которых ожидал Куликовский, не было. Шабашники не раскалывались, даже члены КПСС, даже члены парткома...

А двумя этапами ниже, под парткомом, в кабинете главного энергетика Сергея К. ежедневно работал оперативный штаб шабашнической обороны. Все 16 собирались редко, однако почти ежедневно, иногда по несколько раз в день собирался узкий состав совета обороны: Селянонов, Кутов, Лесман, Ананишнов, Арзуманян, Петров. Присоединялись и другие. Иногда вызывали всех. Вырабатывались общие инструкции. О справках: "ничего не знаю", "первый раз слышу", "не подписывал", "не передавал", "не сдавал", "не знал", "не предполагал"... О заработке: «не помню», «все отдал», «можно узнать в СМУ», «рублей сто-двести», «ничего не осталось», «не ваше дело»... О подставных лицах: "таких не знаем", "все работали", "некоторые приезжали работать в выходные дни", "деньги делили пропорционально трудовому участию". Кандидаты в подставные лица изучали карту Старой Руссы, готовились отвечать, где, когда и что копали.

Ах, эти незабываемые дни, эти встречи и споры в прокуренном кабинете... Коньяк, водка, спирт... – пили много! Уныния не было, но некоторые подыскивали себе другую работу, а это было не легко, особенно для евреев.

Я бежал, бежал, Не спотыкаючись. Я горел, горел, Другим светил. Обожал друзей, любимую, товарищей, Но подлец мою лампаду обронил.

Не случилось быть любимым до бспамятства,

До безумия любить не привелось. Не представилось допить, допеть, донравиться, Добежать к заветной цели не пришлось.

Я в туннеле, а в туннеле поезд катится Мне навстречу, фонарями бьет в упор. Неужели, догрешив, я не докаялся, — Не горит в туннеле красный светофор.

Свяжет мне зима из снега саван – белый пух, Отпоют весной крикливые грачи, Лето выложит в венок ромашек Бежин луг, Дождь осенний панихиду отстучит.

Ох, зазря трусливый хам во храме молится, Не дано ему бездушному понять: Люстры – в залах тронных, а лампады – в горницах; Люстры гасят, а лампадам век пылать.

Я опять бегу, бегу, бегу, Не падаю. Я горю, горю, горю, Другим свечу. В этой жизни суждено мне быть лампадою, Пусть горящую не в полную свечу.

Между тем, дело перекинулось в ОБХСС¹, где параллельно, по доносам проходило расследование предполагаемого хищения в особо крупных размерах при строительстве телефонной сети в г. Старая Русса. Расследование проводилось по двум направлениям. Одно из них — определение путем контрольных замеров истинного объема работ, выполненных бригадой шабашников в Старой Руссе, и установление степени соответствия выплаченной суммы этому объему. Второе направление — опрос свидетелей относительно подставных лиц при оплате работы и возможных взятках руководству СМУ-1. Вот где была истинная опасность!

Если бы контрольные замеры и проверки не подтвердили оплаченного в СМУ-1 объема работ, то дело обернулось бы весьма скверно. А ведь нетрудно представить, как вслед за этим поехал бы в Старую Руссу опытный следователь-мизантроп. Поехал бы, да вник, как это советский человек с ломом и лопатой может заработать за месяц 700 рублей при том, что выкопать траншею объемом в один кубический метр в грунте 2 категории (не масло!) с отбрасыванием этого грунта не менее, чем на 20 см от края, стоит у нас в стране сплошных трудящихся 60 копеек!

Рекомендуем читателю для естественности восприятия вырыть, например, у себя на даче яму длиной, шириной и глубиной ровно один метр, а затем, укрепив свои силы 60-ю копейками, вырыть еще одну такую же яму... и т.д. до тех пор, пока не снизойдет на вас чувство глубокого удовлетворения тем, что у нас — от каждого по способностям, а главное, каждому — по труду!

Если бы контрольные замеры и проверки не подтвердили оплаченного в СМУ-1 объема работ, тогда, согласно УК РСФСР по статье 193, часть II- «за преступный сговор с целью хищения» и «за хищение в особо крупных размерах в личных интересах и в интересах третьих лиц», — наши герои получили бы от 3-х до 8-и лет

¹ ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

общего режима с конфискацией имущества.

Ха! Что тут мелочь со справками — забота доморощенных лэисовских пинкертонов! Впрочем, хоть н доморощенных, но злых. Если бы состав преступления по статье 193, часть II подтвердился, то за справочки с помощью наших прокурор добавил бы по статье 175 УК РСФСР — "за повторное (а повторение было!) изготовление подложных документов" до 3-х лет общего режима.

К счастью, до следствия дело вообще не дошло, а дознание велось вяло. Впрочем, слово свидетелю.

Из показаний Юлия Льва:

«История пресловутого "Дела Шестнадцати для меня началась, видимо, позже всех. Первая информация о нем осталась в памяти, как зловредный стеносотрясающий хохот пятнадцати: "А он еще ничего не знает!"

Затем события меня не касались непосредственно до получения повестки из ОБХСС Октябрьского РОВД. Получив оную, я тут же позвонил нашим, информируя команду и жаждя руководящих указаний. Согласно решению, принятому советом бригады, я приготовил легенду о пребывании в Старой Руссе в должности канализаторщика в течение примерно 10-12 дней, чего и держался упорно и небезуспешно. Разговор с дознавателем проходил, впрочем, не в ОБХСС, а в райкоме правящей партии, где я и писал нечто вроде объяснительной с упоминанием всех улиц Старой Руссы, на которых (не мной) прокладывались асбестцементные трубы.

После этого для меня опять наступило затишье, во время которого я с некоторой завистью узнал, что Юра Арзуманян, получив аналогичный вызов, просто не явился, избавив тем самым соответствующее лицо от получения очередной порции в меру искаженной информации.»

Как видим, дознание велось вяло, без особой заинтересованности. Почему бы, например, не посадить того же Юлика Льва в камеру предварительного заключения (КПЗ), скажем, на трое суток, чтобы правду говорил, а потом, если не заговорит, продлить срок пребывания в КПЗ до 10 суток, что вполне разрешается Уголовно-процессуальным кодеком (УПК) РСФСР. И почему бы не доставить Юру Арзуманяна принудительным порядком, а затем почему бы не посадить его в ту же КПЗ (но отдельно от Юлика) на трое суток, как явно и злостно препятствующего отправлению правосудия.

Ничего этого сделано не было! Почему? Вопрос сложный!

"Что наша жизнь? Игра!" – справедливо замечает поэт. В Деле 16-ти было много случайных и субъективных моментов, приведших к сравнительно благополучному финалу.

Были, однако, и объективные факторы, не позволившие или, скажем, мягче, затруднившие раскручивание дела на полную катушку. И главными из этих объективных факторов были результаты замеров объема выполненных шабашниками работ в Старой Руссе, результаты, буквально ошеломившие и друзей и недругов наших.

Результаты гласили: объем фактически выполнных работ превосходит объем оплаченных работ, приписок не обнаружено!

После такого эффектного результата руководство СМУ-1 вздохнуло с облегчением. Начальник СМУ вынул из сейфа справочки пресловутые, в пепельнице их сжег и пепел в туалете развеял. Узнав об этом, шабашническая компания возликовала и заявила, что, вероятно, никаких справок и не было и что вся эта история

со справками есть плод чьего-то злостно-больного воображения, ибо никаких справок нет и людей, которое какие-либо справки видели, тоже вроде бы и нет, а если кто видел, то пусть докажет, что именно то видел, а не что-либо другое!

Пуджамикагавщина забуксовала без кровушки, а куликовщина растерянно размахивала топором, рубя им воздух, в котором впору было топор вешать!

Можно отпустить грехи, Еще проще – пригрешенья. Можно позабыть долги. Только хамству нет прощенья.

Во Вселенной мера зла, Мера хамства неизменны — Это детская слеза, Женский крик — в них скорбь Вселенной.

Звезды гаснут от обид, Разрываются от хамства, Время изменяет вид И сжимается пространство.

Чуть расстроили весну, — Нет весны, дождь осень месит. Чуть обидели Луну,— Нет Луны — остался месяц.

Каюсь, верю в доброту, Ненавижу злость и наглость, Откликаюсь на беду, Не приемлю к хамам жалость.

Между тем, дело двигалось к своей кульминации — знаменитому ректорату с участием всех шабашников. Мы, однако, посвятим этому кульминационному пункту отдельный раздел, а здесь, забегая несколько вперед, продолжим разговор о дальнейшем развитии пуджамикагавщины.

Ровно 20 дней, с 9 по 28 декабря, комиссия парткома ЛЭИС работала в поте лица своего — «сидит милый на крыльце с выраженьем на лице, выражает то лицо, чем садятся на крыльцо». За это время наши шабанники, если бы им пуджамикагавщина не мешала, могли бы построить еще половину телефонной сети в Старой Руссе!

Наконец 28 декабря комиссия доложила парткому свои "результаты" — полную пустоту плюс повторение надоевшей всем байки про теперь уже не существовавшие справки. По этим пустым результатам партком принял 29 декабря 1981 года постановление (Протокол № 43) "Об итогах работы комиссии по расследованию обстоятельств оформления и работы в СМУ-1 треста Лентелефонстрой сотрудников института". Вот осноные пункты этого постановления:

- 1. Справку комиссии одобрить.
- 2. Секретарям партийных бюро факультетов... в срок до 20 января 1982г. организовать рассмотрение персональных дел коммунистов В.В.

Ананишнова, В.В. Селянтнова, Л.П. Карпова, В.А. Петрова, Н.Н. Кутова, О.В. Воробьева в цеховых партийных организациях и результаты представить на утверждение партийного комитета.

- 3. Рекомендовать ректору:
- рассмотреть вопрос о возможности дальнейшей работы в институте В.В. Ананишнова;
- привлечь к административной ответственности всех лиц, незаконно оформившихся на работу в СМУ-1 треста «Лентелефонстрой», а также лиц, проявивших халатность при хранении и использовании печати института;
- организовать строгий учет, хранение и выдачу справок сотрудникам и студентам института;
- принять меры по исключению возможностей использования печатей института в незаконных целях.
- 4. Обратить вмимание деканов факультетов, заведующих кафедрам, секретарей партийных бюро и партгруппоргов на необходимость усиления воспитательной работы с сотрудниками, особенно преподавателями, разъезжающими в качестве руководителей производственной практикой и студенческими строительными отрядами, не допуская нарушения графика учебного процесса, а также формирования из числа сотрудников института незаконных строительных бригад.
- 5. Настоящее постановление довести до сведения парткома СМУ-1 и треста "Лентелефонстрой".

Если сравнить этот документ с постановлением об организации комиссии, которое мы показали вначале, то, первым делом, бросается в глаза, что тон сильно сбавлен. Там были "серьезные нарушения законодательства и финансовые нарушения", здесь осталось невнятное обобщение относительно "незаконных строительных бригад».

Итак, основные обвинения не подтвердились! Так, может быть, тогда следовало бы парткому принести свои извинения оскорбленным подозрениями и допросами людям? Отнюдь! Не такова пуджамикагавщина! Она, пуджамикагавщина, всегда права! Ибо партия — ум, честь и совесть ихней эпохи! Не знаю ничего про честь и совесть, а вот относительно ума — сильно сомневаюсь.

Вместо извинений партком рекомендует: Виктора Ананишнова уволить, ибо он, хотя и ни в чем не виновен, но формально, как "Бугор", на роль козла отпущения подходит; остальных партийных – по возможности наказать. Кроме того, в пункте 4 постановления партком пытается пресечь шабашническое движение, по крайней мере, в ЛЭИСе – забавная попытка!

Непосредственным следствием приведенного постановления была проработка партийных шабашников — сначала на партсобраниях факультетов, а затем — на парткоме. Эта проработка длилась еще почти месяц после формального завершения Дела Шестнадцаи — окончательная раздача партийных взысканий произведена 27 января 1982 года.

Материалы партсобраний, может быть, самое интересное в этой истории. Ведь там звучал голос людей, чье отношение к шабашникам было сложной смесью личного и общественного, было отображением борьбы совести с пуджамикагавщиной. К сожалению, эти материалы почти полностью утеряны. С еще большим сожалением следует отметить, что некоторое шабашники весьма скупо и неохотно делятся воспоминаниями о своих делах партийных, по-видимому, до сих опасаясь, что, несмотря на гласность и прочие перестроечные лозунги, пуджамикагавщина жива.

Скудны обрывки листков истории, которыми мы располагаем.

Из показаний Владимира Селянинова:

«Прокатка на факультетских собраниях. У нас с ВАП было весьма мирно. Кто-то защищал, кто-то нес чушь. Отделались выговором без занесения. На заседании комитета практически не выступали. Против проголосовали трое — партийные шабашники...»

Из показаний Вячеслава Петрова:

«Заседание парткома. Стоит вопрос о вынесении взысканий. Виктору — строгий выговор с занесением. Голосуем против, хотя это ничего не меняет... Перед парткомом, когда было уже ясно, что Куликовский потерпел фиаско и осталось лишь формальное "подведение итогов и раздача слонов" (т.е. приняты наши "не знаю", "не видел", "не слышал"), подошел Гаврилов: "Ну, теперь не дай Бог кто-то из ваших заговорит по-другому". Понятно, что в этом случае получим по ушам не только мы».

Здесь интересно, что в парткоме начали понимать и осознавать опасность для самих себя в том случае, если кто-либо из шабашников расколется.

Существо проблем, стоявших перед партийными шабашниками, и созданную вокруг них обстановку раскрывает сохранившаяся копия заявления одного из шабашников в партийную организацию факультета, в которой он пишет: «Хочу обратить внимание на то, что в результате моих действий ни государство, ни какоелибо частное лицо не пострадало ни на копейку.» Таким образом автор оправдывает себя тем, что в результате его действий «государство не пострадало». В те годы никому в голову не мог прийти такой, например, аргумент, что государство, мол, от его действий не только не пострадало, а наоборот, что-то приобрело. Потому что, если у государства украсть, то это всем понятно, а вот государству что-то дать — ну, кто же в это поверит! Мораль «развитого социализма»!

Наконец, после проработки на факультетских собраниях партком рассмотрел персональные дела коммунистов-шабашников. Помимо членов парткома в рассмотрение участвовали инструктор райкома КПСС Аникин Л.П. и инструктор горкома КПСС Котов Н.А. – делать-то больше нечего.

Вот перед Вами, читатель, несколько фрагментов из протокола заседания парткома от 27 января 1982 года. Однообразно-унылые ритмы этого документа подобны средневековой пытке, в которой капли долбят вашу голову, заправленную в жесткий ошейник: слушали 1 — постановили 1, слушали 2 — постановили 2, слушали 3 — постановили 3...

ВЫПИСКА из протокола № 45 заседания партийного комитета ЛЭИС им. проф. М.А.Бонч-Бруевича от 27 января 1982 года

СЛУШАЛИ1: Персональное дело коммуниста В.В. Селянинова.

ПОСТАНОВИЛИ 1: Коммунист В.В. Селянинов за оформление на работу в СМУ-І по фиктивной справке, несвоевременную уплату членских взносов с дополнительного заработка и неискренность при партийном расследовании проступка заслуживает объявления ему строго партийного взыскания, однако учитывая его продолжительную, добросовестную работу и активное участие в общественной жизни института объявить В.В. Селянинову, члену КПСС с апреля 1965 года, партийный билет номер 13809923, строгий выговор без занесения в учетную карточку. Принято единогласно.

.....

СЛУШАЛИ4: Персональное дело коммуниста В.А. Петрова.

ПОСТАНОВИЛИ 4: Коммунист В.А. Петров за сознательное незаконное оформление на работу в СМУ-1, несвоевременную уплату членских взносов с дополнительного заработка, беспринципность, проявленную при партийном расследовании проступка, заслуживают строгого партийного взыскания, однако, учитывая его продолжительную добросовестную работу и активное участие в общественной жизни института, В.А. Петрову, члену КПСС с июня 1971 года, партийный билет 10281876 объявить строгий выговор без занесения в учетную карточку. Принято единогласно.

.....

СЛУШАЛИ6: Персональное дело коммуниста В.В. Ананишнова.

ПОСТАНОВИЛИ 6: За безответственное отношение к оформлению документов, за руководство бригадой сотрудников, оформленных по фиктивным справкам, за несвоевременную уплату членских взносов с дополнительного заработка коммунисту В.В. Ананишнову, члену, КПСС с октября 1959 года, партийный билет 10281642 объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Принято большинством голосов: за -15, против -2, воздержался -1.

ПОСТАНОВИЛИ:

- 1. Принять к сведению меры администрации по упорядочению системы и надлежащего хранения, использования и оформления различных справок и документов, правил хранения и использования печатей института. Рекомендовать ректору продолжить работу по совершенствованию системы хранения и использования бланков служебной документации.
- 2. Администрации института учесть рекомендации головной группы НК института по результатам проверки прошедшой 25.12.81г. Головной группе осуществлять периодические проверки порядка хранения и использования различных бланков нестрогой отчетности.
- 3. Местному комитету совместно с отделом кадров организовать семинар (учебу) сотрудников по вопросам трудового законодательства, относящихся к оформлению на работу, совместительство, аттестации и т.д. Ответственные председатель местного комитета, начальник ОК. Срок апрель-май 1982 года.
- 4. Заслушать отчет о выполнении намеченных мероприятий по наведению порядка хранении и использовании печатей института и бланков служебной документации. Ответственный начальник отдела кадров. Срок II квартал 1982 года.

Принято единогласно. Секретарь парткома (подпись)

Отдохнем чуть-чуть от этой одуряющей тупости.

Свет внутри, снаружи мрак. Жар внутри, мороз снаружи. На ладонях – Божий храм. В храме Божьем – Божьи души. Распластались у икон, Вколотили в пол колени... А желаний красный Конь Не выносит преклонений. Конь не ходит под седлом, Конь узду не переносит, – Под бездарным седоком Он не будет, в бездну сбросит, В чернодырья многоцвет С лепестками звездных далей, В догоревших чувств сонет И в сонату из печалей. Под копытами Коня Вьются звездные дороги. Не скачи, Конь, без меня В мир, где царствуют лишь Боги. Звезды в россыпь по груди.

Крупная звезда правее. Без нее мне нет пути До созвездья Любодея. До созвездья Водолей Не домчаться в одночасье. Правая звезда милей. Без нее не будет счастья.

Целовать хочу Луну, Возлежать в межзвездной нише, Небо скармливать Коню, Чтобы быть к Созвездью ближе.

Чудовищный, между прочим, этот партийный документ! Ни одного доброго слова о работе, выполненной коммунистами! Ведь не спекулировали и не в гамаке провалялись всё лето, а своими руками построили телефонную сеть в городе Старая Русса — неужели вы, уважаемые члены парткома, не чувствуете разницы?! Впрочем, мы едва не забыли, что вы-то здесь ни при чем — это же пуджамикагавщина все сделала, тем более в присутствии райкомовского и горкомовского начальства!

Из выписки ясно – наказания то пустяковые, чистая проформа, чтобы показать, что не зря шум да гам. Нельзя не отметить крайне забавный пункт 3 в конце выписки, в котором месткому предписывается учить шабашников, как жить, путем... проведения семинаров!?

Хватит, однако, скрупулезно изучать предъявленный документ – он того, по правде говоря, не стоит.

Приведенные свидетельства и документы, приоткрывая чуть-чуть завесу над партийным руководствами в процедурной части, почти совершенно игнорируют самое интересное — человеческий фактор, т.е. кто был кто и кто как себя вел в условиях пуджамикагавщины. Впрочем, некоторые сведения сохранились.

В институте, естественно, произошла невидимая поляризация на "за" и "против" шабашников. В те бурные недели декабря 1961 года многие шабашники узнали, ху из кто, а кто из ху! Некоторые бывшие друзья вдруг превращались в "принципиальных" в духе того времени, и наоборот, некоторые, казавшиеся прямолинейными ортодоксами, вдруг проявляли человеческое понимание и доброжелательность.

Определенно можно сказать, что на стороне шабашников были все (почти все!) женшины.

Лишь женщине, лишь женщине подвластна Любовь без крыши и любовь без дна. Без женщины, без женщины напрасно Стучит к нам осень и звонит весна!

Царицы объявляли войны, Королевы заключали мир, Чтобы разлюбивший пал на бойне, Чтобы полюбивший их был жив.

Дымные столетья мимо,

мимо, мимо, мимо,

Мимо инквизиторских костров, А женщины не пахнут дымом, — Неиспепелима из любовь.

По-видимому, это внеисторическое явление — отношение женщин к гонимым или упавшим. Женщины в большей степени, чем мужчины, склонны к проявлению сострадания и милосердия; кроме того, они в меньшей степени боятся начальства, а поэтому ведут себя более независимо — они редко участвуют в куликовщине или пуджамикагавщине. Анна Ахматова рассказывала, что когда в 1934 году НКВДэшники по приказу вождя всех времен и лучшего друга всех писателей и поэтов, арестовали великого русского поэта Осина Мандельштама, из мужчин один лишь Перец Маркиш пришел навестить и поддержать в этот страшный час жену поэта Надю, а женщин приходило много!

Так и в Деле Шестнадцати было.

Лишь женщине, лишь женщине подвластна Любовь без крыши и любовь без дна. Без женщины, без женщины напрасно Стучит к нам осень и звонит весна!

Принцессы отдавались нищим, Возжелали принцы падших дам. Всех любви огромные глазища Завлекали в свой священный храм.

Бог ночей – лупатый филин, филин, филин, филин, филин, филин, Филин видел много на веку: Как в альковах плакали графини, Золушки смеялись на лугу.

Конечно, и среди женщин находились не совсем доброжелательные – достаточно вспомнить Валентину Михайлюк, члена комиссии парткома по Делу 16-ти, и ее активность со справками. Была еще некая Люда с кафедры Телевидения, которая шумела, что вот, мол, сволочи, – по 12 тысяч заработали, но это уже от невозможной к сокрытию зависти, т.е. вполне простительно.

А больше вспоминаются женщины, наполненные сочувствием и сопереживанием.

Последней пулей карабина Женщина стреляла по любви. Долго стон стоял над морем синим: "Ты, Любовь, меня с собой возьми!"

Но в ответ лишь эхо, эхо, эхо, эхо, эхо поспешало по волнам. А Любовь, подстреленная, тихо, А Любовь, подстреленная, тихо, А Любовь, подстреленная, тихо, Тихо черным лебедем плыла.

Лишь женщине, лишь женщине подвластна Любовь без крыши и любовь без дна. Без женщины, без женщины напрасно Стучит к нам осень и звонит весна!

Люда Куликова вспоминает: "Не могу не отметить тот факт, что Елена Веселова знала правду от одного из 16- ти, но несмотря на близость к Куликовскому, осталась верна дружбе и данному слову».

Каждый из 16-ти мог бы привести поразительные и трогательные примеры подобного сочувствия и помощи со стороны женщин в то время; это, однако, увело бы нас сильно в сторону от основной нашей линии. Поэтому мы, хотя и с большим сожалением, оставляем тему "Женщины в Деле 16-ти", достойную отдельной повести.

Любовь моя, будь милосердной. Не отрекись, Не отвернись, Не отшатнись, останься верной. Ты мне, Любовь, И Смерть, и Жизнь. Перед иконой на коленях Не предавай меня! Молю. Не предавай ни на мгновенье, Ни на мгновенье, что люблю. Перед крестом, святым знаменьем Не покидай меня! Молю.

Что же касается мужчин, то среди них были примеры, как поразительного злопыхательства, так и столь же поразительной доброжелательности и поддержки.

Приятно начать с последнего.

Особенно неожиданным для многих было то, что на сторону шабашников стал Алексей Иванович Беляев – секретарь партбюро рабочих и служащих.

Из воспоминаний Вячеслава Петрова:

"Больше всего неприятностей ожидали от Беляева. Однако он оказался главным защитником. Как дважды два доказал на партсобрании, что криминала в наших действиях нет. И если бы не партвзносы, так вообще не о чем было бы говорить".

Алексей Беляев – старый службист из военных, строгий и безукоризненный исполнитель всех распоряжений и указаний сверху, казался многим (но не всем!) негибким ортодоксом, слепым и способным на все орудием в руках хитрого начальства. Жизнь, однако, опровергает схоластические схемы – Алексей Иванович оказался доброжелательным, порядочным, воистину принципиальным и, в конце концов, просто разумным человеком. Будучи, как казалось, в эпицентре пуджамикагавщины, он, отнюдь, не последовал за ней. Послушав "дело", Алексей Иванович решительно заявил, что раз бригада сделала полезную работу – честь ей и хвала! Во каково – о деле, о работе подумал! Он абсолютно "не клюнул" на ахинею со

справками — это было поразительно, если учесть его скрупулезно-педантичное отношение к любым документам. Он, наконец, позволил себе публично защищать шабашников на партсобрании, и это в обстановке всеобщей пуджамикагавщины. Если кто-либо заподозрит, что Беляев был как-то лично заинтересован в этом, то он ошибется — у него определенно не было никаких личных мотивов защищать шабашников!

Наполним гравитационные бокалы, Перевернув их, в надпространство перейдем, И, привязав себя антинагрузки фалом, В антимиры свою тарелку поведем.

Так собирайтесь все: Блондины и брюнеты, Седые, рыжие, С прическами эрзац На борт ЛЭИСовской Тарелочной ракеты, Где будет шмон, Потом – Абзац.

Мы не говорим уже о личных друзьях шабашников, которые искренне переживали за них, но имелись сочувствовавшие и среди тех, кто был начальством определен в гонители. Например, член комиссии парткома Витя Караванов хотя и не выступал открыто за шабашников, но решительно отмежевался от всяких против них деяний. Как правило, он вообще избегал участвовать в разбирательствах. Достойно вел себя и другой член комиссии — Лева Гаврилов, который старался выполнить ее поручения таким образом, чтобы, по крайней мере, не ухудшить положение шабашников. Тут трудно сказать, что шло от человеческих качеств, а что от понимания практической нецелесообразности и даже опасности выступать против бригады, однако разумный подход тоже нужно ценить.

Ведь у Куликовского не оказалось такого разума, который подсказал бы ему — не делай этого, не влезай по уши в говно, не активничай в поисках наказаний похлеще, а, наоборот, помоги людям, и они будут благодарны тебе.

Вторым после Куликовского сторонником жестких мер, расследований и наказаний, подлинным вдохновителем лэисовской пуджамикагавщины был Валерий Пушкин. Его деятельность в роли председателя комиссии парткома была весьма бурной, но хаотической, безрезультативной, и во внешних сферах вряд ли принесла ему нечто большее, чем сомнительные лавры активного участника броуновского движения. Впрочем, может быть, мы здесь Валерия Михайловича недооцениваем. Ведь, раскочегаривая Дело 16-ти, он ускорял падение Куликовского, а следовательно, приближал звездный час своей карьеры. Но это – только предположение.

Из тех, кто свирепствовал на факультетах, особо следует отметить доцента Чистовского – секретаря партбюро факультета РТ. Чистовский – типичное порождение пуджамикагавщины 70-х годов, в то время имел прочную репутацию непримиримого борца с сионизмом в ЛЭИСе (легко бороться с тем, чего нет!), однако рвался к власти в такой позе "бескомпромиссного партийца", которая отпугивала даже видавших виды пужамикагавщиков. Он устроил злобное обсуждение и осуждение шабашника Коли Кутова на партсобрании факультета, настаивал на большем наказании, чем того требовал партком, который вынужден был поставить его на место.

Между теми, кто был явно "за" или явно "против", как всегда в таких случаях, находилось немало "промежуточных", которым хотелось, чтобы "и вашим, и нашим" или "и не вашим, и не нашим". Тут психологические нюансы разыгрались на фоне куликовщины и пуджамикагавщины. Например, ты, вроде бы, друг одних из шабашников, но хотел бы занять служебное кресло других из шабашников. Так валить всех вместе или нет! Или, например, ты, опять же, друг и коллега кого-то из шабашников, а ректор или, скажем, партком тебе доверительно поручают расколоть их по дружески. Как быть? Проблема! Гамлет! Бить или не бить? Вот в чём вопрос!

Из воспоминаний Вячеслава Петрова:

«Сидим у меня. Пришел Олег Кустов. Долго уговаривал сознаться. Дескать, вы не знаете, что такое следователь. Он вас за пять минут расколет. Я, мол, сам был под следствием, находился в вашей шкуре. Как друг, советую признаться во всем. Догадаться, откуда ветер дует, несложно! Вовка сказал, что, видимо, мало бил его в детстве (они жили по соседству). Надо было удавить!»

Не будем впадать в крайности! Олег Кустов – хороший парень, но под влиянием пуджамикагавщины..., опять же – из лучших побуждений..., так сказать, впал...

Однако не слишком ли много мы валим на пуджамикагавщину, шьем ей дело? А сам человек-то что? Ничего не соображает, что ли?

Интересно отметить, что в те дни многие воспринимали Дело 16-ти в более широком плане, как борьбу активных, здоровых начал с засильем бюрократизма. Некоторые восприняли это дело как реальную возможность победить куликовщину и избавится от Куликовского. На этот счет были конкретные предложения.

Из воспоминаний Вячеслава Петрова:

"В институте поляризация народных масс. Одни — за, другие — против. Приходили ребята с кафедры физики для конфиденциального разговора. Тема: давайте валить Куликовского вместе. Вы же сила. Все среднее звено. А мы поддержим. Поблагодарили за сочувствие, но сказали, что мы не экстремисты".

Мы, конечно, не экстремисты, но было бы исторической неправдой — а таковая недопустима на этих страницах — утверждать, что мысли о необходимости свержения Куликовского не посещали шабашников. Более того, на определенном этапе развития дела был подготовлен план такого свержения. Первый этап плана — сбор и систематизация компрометирующих шефа материалов. В результате его осуществления был составлен список нарушений и злоупотреблений из 32 пунктов: нарушения финансовые, кадровые, в работе с преподавателями и со студентами — чего только там не было!

Может, следовало этот список опубликовать и тем самым, как говорится, облегчить страдания обреченного на снятие Юрия Петровича? Как, например, оценить создание спецбуфета для институтской верхушки с официанткой, оформленной по научно-исследовательской части (НИЧ)? А другие подставки в НИЧ-е? А давление на преподавателей, чтобы двойки не ставили? А институтский долгострой, памятник некомпетентности и бесхозяйственности? А чехарда с кадрами — никто с ним работать не хочет? Врочем, по большому счету ничего особенного! Там машину институтскую для перевозки телевизора на дачу использовал, здесь какого-то знакомого проходимца и недотепу на должность главного бухгалтера оформил! Дела обычные! Никого таким

не удавишь, и никого за такое не снимали, если свой человек. Но, если учесть, что Юрий Петрович не совсем свой человек и в номенклатуру выбился более или менее случайно, то, конечно, вышеуказанный списочек из 32 пунктов агониию ускорил бы.

К чести наших героев нужно сказать, что список этот, составленный грамотно и со знанием дела, никому они не показали, в конверт не положили и анонимочкой в горком не послали! Сами список составили, сами в своем кругу почитали, посмеялись и убрали!

Сильные — обычно добрые, Добрые, как сильные слоны. Если пьют — так водку ведрами, Чтобы в небе плыло Две Луны. Добрые — обычно сильные, Сильные, как добрые слоны. Даже и любвеобильные Добрые

всегда любви верны.

А Юрия Петровича через пару лет не просто сняли с должности, но буквально спихнули с кресла, отнюдь, не те, кого он пытался уволить и отдать под суд, а его ближайшее окружение, причём решающую роль в этом сыграли причастные к созданной Юрием Петровичем лэисовскоой пуджамикагавщине Валерий Пушкин и Валентина Михайлюк. Имея в виду Михайлюк, которую он сам взял в свое время на должность проректора по строительству, Куликовский вынужден был сформулировать министерскому начальству такую задачку с двумя неизвестными: «Или она, или я?!». В Министерстве решать задачки не любили, а посему решительно и со всей большевистской принципиальностью ответили Юрию Петровичу, что, конечно же, он и... уволили его!

Слава Богу, что наши шабашники к этому делу не причастны. Куликовский был, отнюдь, не самым худшим в системе куликовщины. Были у многострадального Института имени Бонч-Бруевича ректоры и похуже. Господи, не посылай больше таких, прости нас и помилуй!

Не дай, Господь, Ни серебра, Ни злата. Я в этой жизни до конца прозрел... И постучусь В твои, Всевышний, врата Без денег. Без денег в окружении друзей.

МОНОЛОГ О МИЛОСЕРДИИ

Пора определить временные рамки и основные даты Дела 16-ти. Вся в целом возня вокруг "дела" продолжалась почти 2 месяца — с 3 декабря 1981 (появление пресловутого запроса из Лентелефонстроя) по 27 января 1982 года (решение парткома о раздаче наказаний партийным шабашникам). Однако собственно "дело" продолжалось всего около месяца — с 3.12 по 31.12 1981 года, и в этом периоде можно выделить следующие основные даты:

День первый, 3 декабря – появление запроса о шабашниках и начало куликовщины;

День второй, 9 декабря – начало пуджамикагавщины и эпицентр куликовшины;

День третий, ? декабря – кульминация Дела – "театрализованный ректорат";

День четвертый, 29 декабря – решение парткома и конец пуджамикагавщины;

День пятый, 30 декабря – заседание профкома по Делу;

День шестой, 31 декабря – итоговый приказ по Делу и конец куликовщины.

День седьмой, как известно, Всевышний отдыхал поле трудов праведных.

В этой череде событий и дат День третий, когда Юрий Петрович устроил пышное заседание ректората совместно со всеми шабашниками для оглашения приговора, безусловно, является кульминационным.

К великому нашему сожалению об этом знаменитом заседании сохранилось очень мало сведений, заседание не стенографировалось, дневников и записей нет, документов нет. Даже точную дату этого заседания установить не удалось, можно лишь утверждать, что оно состоялось не раньше 10 декабря и не позже 22 декабря.

Поэтому в изложении этого события мы опираемся почти исключительно на зыбкую человеческую память. Впрочем, многие детали воспоминаний разных лиц настолько совпадают, что их достоверность не вызывает сомнений. Кроме того, мы располагаем копией подлинного, проекта приказа, зачитанного на заседании ректората.

Итак, приступим!

Состояние "дела" к рассматривоему моменту читателю достаточно ясно: все попытки Куликовского и составленной им следственной группы под руководством Пушкина расколоть шабашников и заставить их выдать "преступника", включая шантаж и запугивания, провалились.

Театрализованный ректорат, на котором шабашникам обещали объявить приказ об их увольнении, понадобился Юрию Петровичу как решительная попытка добиться своего. Впрочем, мы допускаем и такое предположение, что Юрию Петровичу все это дело тоже поднадоело и хотелось поскорее выйти на финишную прямую.

Декабрьский вечер, рано стемнело. Шабашники собираются, как всегда, внизу в кабинете Сергея Корчагина, на целый месяц превращенный в штаб шабашнической обороны. Бурно обсуждаются возможные варианты поведения на ректорате с целью предотвращения всеобщего увольнения. С одной стороны, в реальность такого исхода не верилось – неужели Ю.П. так глуп. Но, с другой сторны, Ю.П., как докладывали, настроен совершенно категорически. Конструктивных предложений не было, альтернатива — выдача одного " была неприемлема. Юрий Окунев предложил: он попытается обратиться к Ю.П. от имени всех с просьбой о смягчении наказания. Согласны ли члены бригады просить о смягчении позиции ректора? Да, согласны!

После этого решения все вместе направились в кабинет ректора на третьем этаже. Недолгое ожидание в приемной, и всех просят войти. Великолепная зала с видом на Мойку и стоящие на противоположном берегу дворцы Строганова и Разумовского. В глубине огромный ректорский стол с небольшим перпендикулярно приставленным столом для собеседников. За ними Куликовский, Пушкин, Михайлюк, Гомзин и кто-то еще. Вдоль окон длинный стол заседаний — вокруг него боком к ректорату рассаживаются шабашники и секретарь ректора.

Звучит торжественная тишина. Затем Юрий Петрович открывает заседание кратким заявлением о том, что пора принимать решение, ибо у членов бригады было достаточно времени, чтобы обдумать свое положение, и обращается к ним с вопросом: «Желает ли кто-нибудь выступить от бригады или от своего имени?»

Поднимается Юрий Окунев. Под сводами зала звучат слова, вошедшие в историю Дела 16-ти под названием "Монолог о милосердии".

Автор и исполнитель этого монолога, как выяснилось, не помнит, что он говорил, конспекта монолога не существовало, его никто не записал. (Может быть, монолог был записан на магнитофон Куликовским – ведь известно, что таковой у него был под крышкой стола?).

И вот, получается так, что мы находимся в крайне затруднительном положении. С одной стороны, нам не хотелось снижать уровень этого правдивого повествования литературным вымыслом в стиле соцреализма. А, с другой стороны, было бы неправильным обойти полным молчанием содержание произнесенного монолога, ибо, судя по тому, как шабашники в своих показаниях вспоминали о нём, это был маленький шедевр ораторского искусства.

Конечно, то, что мы сейчас попытаемся сделать, аналогично пересказыванию содержания стихов, т.е. попытка с негодными средствами. А как же быть?

Сначала автор напомнил Юрию Петровичу, кто перед ним сидит. Перед вами – сказал он – цвет институтской общественности, едва ли не самая активная, деятельная, плодоносная часть нашего коллектива. Многие годы работают они здесь, и не было бы многих наших достижений без их труда. Затем Окунев, указуя то на одного из сидящих рядом с ним, то на другого, на конкретных примерах показал, как много сделали сидящие и как много значат они для института. Можно ли не учитывать всего этого – риторически вопросил далее исполнитель монолога – при вынесении приговора? Справедливо ли вообще наказывать этих невинных людей? И сам же ответил – нет, не справедливо! Не совершали и не могли они совершить ничего такого, что можно было бы назвать преднамеренным или осознанным нарушением законов, а тем более аморальным! Вся жизнь их и труд, в том числе в бригаде, свидетельствуют о невозможности подобного. А если волею обстоятельств или по недосмотру они и попали в положение, при котором были некоторые нарушения, о чем они горько сожалеют и в чем искренне раскаиваются, то не следует ли - и здесь говоривший возвысил голос - не следует ли проявить милосердие и простить оступившихся, что будет понято и оценено, в этом нет сомнений, самым высоким образом.

Далее автор-исполнитель монолога обратился к Юрию Петровичу от имени всей бригады с просьбой, проявив вышеупомянутое милосердие, не увольнять никого, а ограничиться тем, что бригада и так уже наказана в достаточной степени в ходе публичного расследования и осуждения. И за добро добром воздастся — обещал он!

«Монолог о милосердии" был выслушан всеми с напряженным вниманием. В тот момент, когда первый раз было произнесено слово "м и л о с е р д и е", Юрий Петрович скривился, как будто ему неожиданно из-под стула сделали мыльную клизму.

Много десятилетий это слово исключалось из нашего общественного лексикона, а само понятие милосердия намеренно отождествлялось с каким-то неприятно

скользким (мыльно-серым) обманом. Мы читали о милосердии у непрогрессивных классиков прошлых веков, а прогрессивные современные радостно грохотали: "Если враг не сдается, его уничтожают!" и добавляли про себя: "Если сдается – тем более!» Отброшенные в нравственном отношении в добиблейские времена, мы не верили в милосердие и смеялись над ним. Сделались ли мы от этого более счастливыми? Нет! Но это уже другая тема!

Во всяком случае, не было ничего удивительного в том, что слушать с милосердии профессору Куликовскому было неприятно. Если он и склонен был проявить некоторое смягчение позиции, то никогда не согласился бы отождествить это с поповским милосердием.

Однако и на него речь Юрия Борисовича некоторое впечатление произвела. Ответил он на неё примерно так: вы все, ясное дело, не дураки, выбрали весьма эрудированного оратора, человека науки, который заранее подготовил материал и теперь с блеском его изложил.

В этом месте его прервал Игорь Ветров, который вскочил и выпалил: «Юрий Петрович, честное слово это была импровизация!"

Юрий Петрович между тем продолжал в том смысле, что не так уж это важно – импровизация или нет, т.к. он все равно не может выполнить просьбу, высказанную Юрием Борисовичем от имени бригады, ибо ему, Ю.П. Куликовскому, государство доверило руководить институтом, он несет ответственность за институт перед государством, и поскольку в институте совершено преступление – подделка справок и незаконное использование гербовой печати, он должен сделать выводы и в соответствии с законом наказать виновников по всей строгости. Нужно быть, продолжал Юрий Петрович, честными всегда и во всём, а члены бригады не хотят дать честные показания. После этого разъяснения в напряжённой и торжественной тишине зачитывается приказ. Мы воспроизводим его с подлинника, отпечатанного на пишущей машинке секретарём ректора.

Министерство связи СССР ЛЭИС им. проф. М.А..Бонч-Бруевича

ПРИКАЗ №

3 декабря 1981 года ЛЭИС получил запрос из треста "Лентелефонстрой" с просьбой подтвердить время отпусков 16 сотрудников института, оформленных на работу по бригадному порядку в СМУ-1 этого треста в июле-августе 1981г. во главе с бригадиром, ст. преподавателем Ананишновым В.В.

При проверке выяснилось, что на неработающего в ЛЭИС Льва Ю.М., двух преподавателей и 13 научных сотрудников представлены в СМУ-I подложные справки, из которых следует, что все они – преподаватели и все имеют отпуск с 1 июля по 31 августа. Справки содержат поддельную подпись и изображение гербовой печати института.

Начальник СМУ-I Ляпин А.П. сообщил, что бригадой полностью выполнен договорной объем работ, однако, по сведениям отдела кадров ЛЭИС, никто из них не имел возможности работать весь срок с 1 июля по 31 августа.

В связи с изложеным

приказываю:

1. УВОЛИТЬ с 25 декабря 1981 года по статье 254 п.3 КЗОТ РСФСР — за совершение аморального проступка и организацию работы бригады по подложным справкам старшего преподавателя Ананишнова В.В.

- 2. Объявить строгий выговор за участие в работе бригады, оформленной по подложным справкам: (следует перечень шабашников)
- 3. ОБЪЯВИТЬ строгий выговор за халатное отношение к хранению институтской печати ст. инспектору ОК Куликовой Л.И.
- 4. И.о. начальника отдела кадров Сикорской Л.М. принять неотложные и действенные меры к предотвращению незаконного использования институтских бланков.
 - 5. Сообщить на место работы Льва Ю.М. существо настоящего приказа.

Ректор, профессор Ю. П. Куликовский СОГЛАСОВАНО: Председатель МК Секретарь парткома

Читая этот приказ шесть лет спустя, нельзя не обратить внимание на следующее: в нем впервые за все время с момента начала "дела" на документальном уровне подтверждается, что «бригадой полностью выполнен договорный объём работ». Такого не было ни в одном из приведённых выше партийных документов, и то, что Куликовский возвысился до такой объективности, делает ему честь.

Текст приказа оказался неожиданным. Значит, все-таки Юрий Петрович решил уволить хотя бы одного, и этим одним он избрал Витю Ананишнова. Неприятно гнетущая тишина была прервана эмоциональной выходкой Моисея Берсона. Вот как он об этом вспоминает:

"Зачитывается приказ об увольнении Вити. И я ломаю сценарий, взрываюсь. Ю.П. хочет быть всегда честным. "Ах, ты ..." — но это про себя, сквозь зубы. А громко... Почему-то все, что говорил, было воспринято, как шантаж. Дичь, чушь. Просто были эмоции, которые не удержал".

А говорил Моисей о своей обиде на несправедливость по отношению к Вите Ананишнову, который больше всех вкалывал и не имел никакого отношения ни к каким справкам, говорил с какими-то намеками на какие-то обстоятельства. И эти намеки были поняты всеми таким образом, что, мол, в то время как некоторые корчат из себя шибко честных, всем присутствующим хорошо известны гешефты этих некоторых. Юрий Петрович тоже, по-видимому, посчитал, что это на него катят бочку и запугивают небезизвестностью некоторых нарушений хозяйственной деятельности института. Заговорил жёстко: позиция у него твердая, запутать его никому не удастся. Напряженность несколько разрядила реплика Миши Лесмана, когда он на риторический вопрос Куликовского "Почему, например, меня не взяли в бригаду?" быстро среагировал: "Знали бы чем дело кончится, обязательно взяли бы». Чёрный юмор вызвал улыбки, смягчил ситуацию.

Юрий Петрович подходит поближе к шабашникам, говорит доверительно. Конечно, он понимает — В.В. Ананишнов, возможно, и не виноват. У бригады есть возможность справедливость восстановить, назвав того, кто подделал справки — "некто Сидорова". Конечно, этот "некто" понесет наказание по всей строгости, но зато с остальных будет снято подозрение. Бригада должна тщательно все обдумать. Он готов подождать! Мы — Юрий Петрович показывает на членов ректората — сейчас уйдём, оставим вас здесь все обдумать и обсудить. Если что надумаете, меня позовёте!

Ректор и ректорат выходят из кабинета, шабашники с недоумением смотрят им вслед. Неужели так дешево хотят подловить? Неужели ректор, оставив включенным магнитофон, рассчитывает записать откровенный разговор шабашников без свидетелей? Смесь подлости с глупостью? Просто не верится в возможность такого! А

может быть, магнитофон не включен? Зачем же тогда оставлять думать в кабинете? Психологическая атака? Сомнения в сторону, магнитофон, ясное дело, включен с самого начала! Знаками и жестами друг другу – ни слова по существу дела! А вслух – дежурные фразы для магнитофона: о несправедливости приказа, о непричастности к справкам и т.д. и т.п.

Посидели шабашники минут пять для приличия, наговорили ерунду для магнитофона, встали дружно и ушли. В кабинете Серёжи Корчагина обсудили ситуацию. Ясно — нужно готовить материалы в суд на незаконное увольнение бригадира. Позвонила Люда Куликова: «Юрий Петрович интересуется решением бригады». Ответили: «Нам сказать больше нечего!» И покатилось "Дело Шестнадцати" к скорому финалу.

23 декабря в пожарном порядке проведено собрание профгруппы кафедры экономики по вопросу об увольнении преподавателя В.В Ананишнова за совершение аморального поступка. Куликовский спешит — если до третьего января 1982 года, т.е. в течение месяца со дня поступления информации о бригаде, он не издаст приказ, его последующие действия будут незаконными. За исключением новогодних праздников — остается неделя, а ведь еще нужно обтяпать решение месткома.

И вот перед нами выписка из протокола собрания профгруппы — замечательный документ, подписанный двумя замечательными женщинами. Снова обращаем внимание на то, что в системе куликовщины и пуджамикагавщины женщины ведут себя значительно порядочнее и достойнее чем мужчины.

ВЫПИСКА

из протокола собрания профгруппы кафедры Экономики и организации производства ЛЭИС им.проф. М.А.Бонч-Бруевича №4 от 23.I2.8I

Профсоюзное собрание членов кафедры Э и ОП, заслушав и обсудив заявление тов. Ананишнова В.В. о предстоящем рассмотрении на заседании местного комитета ЛЭИС, им.проф. М.А.Бонч-Бруевича вопроса о его увольнении принимает следующее решение:

Строго осудить тов. Ананишнова В.В. за то, что был оформлен на работу в период летнего отпуска 1981 года со 02.07.6I по 31.08.81, в то время как действительно в отпуске он находился с 06.07.81 по 30.08.8I.

Просить местный комитет ЛЭИС при рассмотрении вопроса об увольнении тов. Ананишнова В.В. учесть следующие обстоятельства:

Тов. Ананишнов В.В., закончив ЛЭИС в 1964 году, с 1967 года по настоящее время работает на кафедре Э и ОП. За время работы проявил исключительное трудолюбие, добросовестность и способность к преподавательской и научной деятельности. В 1978 году был представлен на Доску Почета ЛЭИС, является Ударником Коммунистического труда. Тов. Ананишнов В.В. – ведущий преподаватель цикла, пользуется у коллектива кафедры неизменным уважением и авторитетом. Награжден памятной медалью к 50-летию ЛЭИС. За время работы взысканий по административной линии не имеет.

Тов. Ананишнов В.В. — член КПСС с 1959 года. Безупречно и активно выполняет все виды общественной работы: неоднократно избирался членом и секретарем партбюро факультета, с 1978г. является членом парткома ЛЭИС, постоянно избирается в профсоюзные органы кафедры. По всем перечисленным видам общественной работы замечаний не имел. Награждён Грамотой ЦК ВЈІКСМ,

Грамотами ГК и РК КПСС.

Заслушав и обсудив изложенные лично тов. Ананишновым В.В. обстоятельства его работы в период отпуска летом 1981 года, считаем, что увольнение тов. Ананишнова В.В. является мерой наказания слишком строгой, не соответствующей совершенному проступку. В действиях тов. Ананишнова В.В, не усматривается элементов аморального поведения.

Ходатайствовать перед Местным Комитетом ЛЭИС об оставлении тов. Ананишнова В.В. на работе на кафедре Экономики и организации производства в занимаемой должности.

Председатель собрания, к.э.н., доцент Секретарь собрания, д.э.н профессор

Цатурова Р.Г. Фирсова С.М.

Подписавшие этот документ доцент Р.Г. Цатурова и профессор С.М. Фирсова заслуживают, на наш взгляд, такого же высокого уважения, как и упоминавшийся выше А.П. Беляев. Выдвинутая ими причина "строгого осуждения тов. Ананишнова В.В." настолько утрированно нелепа, что не вызывает сомнений – это издевательство над официальной точкой зрения ректора и парткома. Этот пункт выписки в сочетании с последующими пунктами – отповедь ректору и парткому и, вместе с тем, предупреждение: ничего у вас не выйдет с увольнением Вити Ананишнова.

Несмотря на этот голос разума, одиноко прозвучавший в джунглях куликовщины и пуджамикагавщины, последние упорно настаивали на увольнении.

29 декабря, как было показано в предыдущем разделе нашей повести, партком рекомендовал администрации уволить В.В. Ананишнова, а 30 декабря Ю.П. Куликовский организовал заседание профкома для одобрения своего приказа. Казалось бы, профсоюзы должны защитить трудящегося, работягу, которой и во время отпуска своего вкалывал, от преследований администрации? Казалось бы... Но ведь профсоюзы-то были пуджамикагавские! Предоставим слово свидетелю.

Из показаний Виктора Ананишнова:

«Как меня увольняли. 30 декабря 1981 года. На 11 часов дня назначено заседание профкома института по интересному поводу — увольнению бригадира сотрудников института, оформленных в Лентелефонстрое по поддельным справкам.

На профкоме присутствовали ректор Куликовский, проректор по вечернему и заочному обучению Пушкин — как председатель комиссии по делу «банды шестнадцати». С изложением сути дела выступил Куликовский. Его версии я не признал. Что-то говорил против. Тогда выступил "юрист" профкома Тартаковский и объяснил суть моего поступка с точки зрения КЗОТ, из чего следовало, что я могу быть уволен из института по статье (не помню какой), в которой говориться о моем аморальном поведении.

Предлагали покаяться и с институтом не судиться (последние слова от Пушкина). Поскольку я упорствовал в своей невиновности, то профком голосовал. Трое против моего увольнения (Кутов и еще две женщины), один или двое воздержались, остальные – за увольнение. На этом разошлись.»

Позорное решение профкома принято под председательством Эдуарда Перфильева! Опять же обращают на себя внимание женщины – две женщины и только они (если не считать заинтересованного члена профкома – шабашника Колю Кутова) проголосовали против увольнения Вити Ананишнова. Ах, эти прелестные слабые существа, которые боятся начальства значительно меньше, чей здоровенные, но, увы,

трусливые мужики! Честь и слава вашему мужеству, отсутствующему у мужчин, во веки веков!

Уходят от нас не только года, Уходят от нас не только друзья. Судьба и любовь переменчивы — Уходят любимые женщины. Уходят, как тени от гаснущих свеч, Как дым, навсегда покидающий печь, Как утро туманное, вечер седой, Как тихое счастье пред шумной бедой. Уходят,

Уходят,

Уходят.

Несмотря на локальный успех в профкоме, Юрий Петрович к концу дня 30 декабря уже понимает — с увольнением Ананишнова тоже ничего не выйдет! А если все же уволить, то по суду восстановят! Ибо все обвинения, связанные с подделкой справок, недоказуемы, а самих справок и вообще уже в помине нет!

Но лицо-то нужно как-то спасать! Неужели целый месяц зря топором размахивал, хотя бы веточку срубить под занавес, иначе совсем дураком прослывешь. И тогда Юрия Петровича посещает спасительная мысль — используя решения парткома и профкома, как средство давления и шантажа, вынудить Ананишнова написать заявление с просьбой (с просьбой?!) отстранить его от преподавательской работы и перевести в научные сотрудники. План этот быстро реализуется — Витю Ананишнова удается уговорить, посулив ему скорое возвращение на кафедру в качестве доцента.

Вслед за этим последним актом "дела" выпущен был последний, наконец-то действительный, приказ – уморительный апофеоз разыгранной на подмостках ЛЭИС-а трагикомедии.

Вот этот документ, в подлинном его виде.

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР ЛЭИС им.проф. М.А. Бонч-Бруевича

ПРИКАЗ№ 285/к

31.12.81

Ленинград

3 декабря 1981 года ЛЭИС получил запрос из треста, «Лентелефонстрой» с просьбой подтвердить время отпусков 16 сотрудников института, оформленных на работу в СМУ-І этого треста в июле-августе 1981 года во главе с бригадиром, ст. преподавателем Ананишновым В.В.

При проверке выяснилось, что на неработающего в ЛЭИС Льва Ю.М., двух преподавателей и 13 научных сотрудников представлены в СМУ-1 подложные справки, из которых следует, что все они - преподаватели ЛЭИС и все имеют отпуск с I июля по 31 августа. Справки содержат поддельную подпись и изображение гербовой печати института.

Начальник СМУ-1 Ляпин А.П. сообщил, что бригадой полностью выполнен договорный объем работ, однако, по сведению отдала кадров ЛЭИС, никто из них не имел возможности работать весь срок с I июля по 31 августа.

В связи с изложенным

приказываю:

І. Отстранить от преподавательской работы и.о. доцента кафедры Э и ОП Ананишнова В.В., перевести его с 01.01.82 на должность старшего научного сотрудника НИЧ этой же кафедры — за руководство работой бригады, оформленной по подложным справкам.

ОСНОВАНИЕ: личное заявление, решение парткома.

2. Объявить строгий выговор за участие в работе бригады, оформленной по подложным справкам: (перечисляются все шабашники)

ОСНОВАНИЕ: объяснительные записки.

- 3. О.В. Воробьев дисциплинарному взысканию не может бить подвергнут, так как в настоящее время не является работником ЛЭИС.
- 4. Объявить строгий выговор за халатное отношение и хранению институтской печати ст. инспектору ОК Куликовой Л.И.

ОСНОВАНИЕ: объяснительная записка.

5. И.о. начальника отдела кадров Сикорской Л.М. принять неотлоыжные и действенные меры к предотвращению незаконного использования бланков справок.

Ректор, профессор Ю.П. Куликовский

СОГЛАСОВАНО:

 Секретарь парткома
 О.С. Когновицкий

 Председатель месткома
 Э.П. Перфильев

Поразительная смесь бессилия с наглостью и ложью – не будем тратить время и силы на обсуждение этого литературного памятника Ю.П. Куликовскому!

Никго из шабашиков не пришел расписаться в том, что ознакомлен с приказом, никто из них не признал его!

Все они отпраздновали в этот день наступление Нового года и конец Дела Шестнадцати, которое началось в день рождения шабашника Петрова — он же «Поручик», он же «некий Сидоров», а закончилось — в день рождения шабашника Окунева — он же «Доцент», он же «Сеня».

Опять часы усами стрел Введут всех в Новий год, Введут всех тех,

кто плакал, пел,

Кто между, над и под.

Кто раздавал,

дарил, щадил,

Внимал и обнимал,

А также тех,

кто был не мил,

Кто радость убивал.

И значит –

времени рубеж

Пройдут и друг и враг,

И значит –

в Новый год надежд

Войдут Любовь и Страх!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Минует все.
Все навсегда уйдут,
Долюбят,
Допоют,
Договорят,
Доспорят.
Не завершится только
Божий суд
Над глупостью,
Над трусостью,
Над ханжеством,
Над строем...

Третье декабря 1986 года, квартира Славы Петрова — отмечается пятилетие Дела Шестнадцати. Вдоль стены растянуто огромное знамя с золотыми кистями и золотым тиснением — Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. На полочке портрет Ю.П. Куликовского, перед ним свечка и рюмка водки.

За столом буйное веселье. Вспоминаются старые шабашки, вспоминаются все перипетии Дела 16-ти:

«Много было чего.

ЮПК, который достал топор, размахнулся, а рубить-то и нечего и спрятать топор некуда.

Некто Сидоров, который присутствовал во всех беседах, как символ потусторонних сил и деяний.

ЮБО и OBB, которым нервы вытягивали в нити.

ННК, который упивался юридической литературой.

Укороченный состав, который упивался натурально.

Друзья, для которых это было дико.

Женщины, для которых это было интересно.

Шептуны, которым мы были непонятны, и просто завистники, что им не дано такое.

Умные, добрые человеки.

Дерьмо – факультетские подпевалы. Утонувшее не всплыло.

Много было что! Аминь!»

Дано прожить, -

так уж прожить,

Наполнив жизнь страстями.

Дано грешить, -

так уж грешить,

Срывая грех горстями.

Дано дружить, -

так уж дружить

Другим на удивленье.

Дано любить, -

так уж любить,

Любить и в пригрешеньях.

Потом все поют любимые песни по гитару и мерцанье свечей. Оглашается идея написания исторического документа «Дело Шестнадцати».

Колокола, Колокола,

Не надо так печалиться.

В полжизни жизнь,

Зато она –

красива и светла.

Колокола, Колокола,

Так редко барды старятся.

Вы догудите песни их

Живым,

Колокола!

Угомонились ли наши шабашники после Дела 16-ти? Отнюдь нет! Правда, с того времени бригада в полном составе на шабашку не выезжала, ибо выезд такой «банды» скрыть было бы трудно. Тем не менее отдельными группами «банда» свою «преступную деятельность» продолжает до сих пор.

Например, летом 1984 года группа шабашников из нашей Банды 16-ти отправилась на заработки в Магаданскую область, на Колыму, знаменитую по воспоминаниям узников и каторжан советского ГУЛАГА. Шабашники взялись

монтировать линию электропередач (ЛЭП) в приколымских сопках и восстанавливать телефонную линию вдоль знаменитой Колымской автодороги, построенной еще в сталинские времена на костях политзаключенных.

На беду свою повстречались они в самолете рейса Ленинград-Магадан с новым ректором ЛЭИС Вадимом Гомзиным, сменившим Куликовского. Гомзин — надо же, чтобы так не повезло — напрвлялся тем же рейсом в командировку в Петропавловск-Камчатский. При посадке в Иркутске шабашники перекуривали с ректором вместе.

- Куда направляетесь, товарищи деликатно поинтересовался Гомзин, прекрасно знавший всех подельников по Делу 16-ти и тут же смекнувший, что к чему и куда ребята намылились.
- Порыбачить на Колыму собрались откровенно врали подельники, рассчитывая на разум и порядочность нового ректора.

Напрасно, конечно, рассчитывали — о коренных свойствах куликовщины и пуджамикагавщины забыли. Гомзин, вернувшись из командировки, повел себя как истеричная баба, заставшая мужа в неположенном месте, мелочно проверял, как шабашники свой отпуск оформили и не вернулись ли на день позже — все криминал искал, гнида завистливая. Доискался, в конце концов, и возрадовался — оказалось, что шабашники не оформили в Первом, секретном, отделе допуск в погранзону, а Магадан, между прочим, — пограничная зона и закрытый город. Таким образом, налицо нарушение неприкосновенной советской границы — рядом с изменой Родине! Потирал Гомзин удовлетворенно руки, ожидая возвращения первого шабашника, чтобы учредить новое дело — лавры Куликовского покоя не давали.

Первым вернулся с Колымы Юра Окунев. Секретарь ректора тут же предупредила его: «Тебе следует немедленно явиться к Гомзину и подтвердить своевременный выход на работу.» В институте Окунева встретил взволнованный проректор по учебной работе Слава Крыжин:

- Юра, всем вам грозит серьезная неприятность. Гомзин ждет тебя.
- Что случилось, Слава?
- Юра, ты ведь знаешь, что вы не оформили в Первом отделе допуск на пребывание в пограничной зоне, а Магадан входит в число закрытых пограничных городов. Гомзин уже подготовил заключение Первого отдела о нарушении вами пограничного режима. Это все очень неприятно, но ты вернулся первым и должен дать ему объяснение.
- Слава, но мы не были в Магадане!
- Как так не были? Гомзин знает, что вы вышли из самолета в Магадане.
- Правильно. Мы вышли в аэропорту Магадана, но аэропорт не является пограничной зоной, мы это знали. В аэропорту мы пересели на местный рейс и улетели в Сусуман, на Колыму. Мы определенно не были в Магадане.
- Юра, ты уверен в этом?

Юра был абсолютно уверен в обратном, ибо сутки назад он провел незабываемый вечер в Магадане с героиней Дела 16-ти Людой Куликовой — она была там с группой студентов ЛЭИС на практике и показала ему этот удивительный город, построенный каторжанами-политзаключенными на берегу Тихого океана. Ну, как было отказаться от этого приключения. Какое везение, что

не нарвался на проверку документов. Господи, спасибо, что не выдал! Невероятное легкомыслие — ведь запросто мог быть задержан магаданской пограничной службой за нарушение паспортного режима. Вот это был бы настоящий подарок Гомзину. Но, слава богу, не попался, а Люда не выдаст:

- Слава, я абсолютно уверен в этом, и все наши подтвердят мы не были в Магадане.
- Тогда подожди здесь, я сам зайду к Гомзину.

Минут через пятнадцать Крыжин сообщил Окуневу, что вопрос улажен, и все обвинения сняты.

Дело, тем не менее, было не совсем закрыто. Это, однако, совсем другая история, достойная отдельной повести, и мы напишем такую повесть — она будет называться «Письма с Колымы».

Напишем в назидание всем тем, кто поддерживал и поддерживает куликовщину и пуджамикагавщину, напишем, чтобы впредь неповадно было!

Самолично удавлю Тех, кто звезды ненавидит. А Созвездье, что люблю, Никому не дам обидеть.

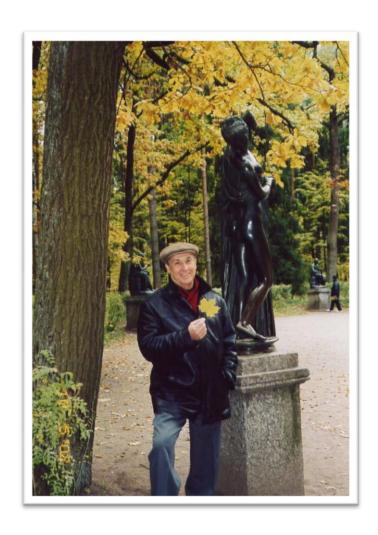
Катит звездный шарабан. В нем любви первоистоки. И, конечно, не обман –

Шарабан вращают Боги.

Звезды в россыпь по груди. Малая звезда левее. Без нее мне нет пути До созвездья Любодея.

До созвездья Лебедей Не домчаться в одночасье. Левая звезда светлей. Без нее не будет счастья.

Обнимать хочу Луну, В Космос запускать ладони И держать свою звезду На грудастом небосклоне.

1 ноября 1987 года, Ленинград